

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

ДЕЛО «СВИНАРЕНКО И СЛЯДНЕВ против РОССИИ»

(Жалобы №№ 32541/08 и 43441/08)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

17 июля 2014 г.

*Настоящее постановление является окончательным. Может быть
подвергнуто редакционной правке.*

По делу «Свинаренко и Сляднев против России»

Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой, в состав которой вошли:

Дин Шпильманн, *Председатель*,
Жозеп Касадеваль,
Гвидо Раймонди,
Инета Зиемеле,
Марк Виллигер,
Пер Лоренсен,
Боштян М. Зупанчич,
Данутэ Йочиенэ,
Ян Шикута,
Георг Николау,
Луис Лопес Герра,
Винсент Энтони Де Гаetano,
Линос-Александр Сицильянос,
Хелен Келлер,
Хелена Ядерблом,
Иоганнес Силвис,
Дмитрий Дедов, *судьи*,

а также Майкл О'Бойл, *Заместитель Секретаря*,

проведя 18 сентября 2013 г. и 11 июня 2014 г. совещания по делу за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, утвержденное в последний из вышеназванных дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано двумя жалобами (№№ 32541/08 и 43441/08) против Российской Федерации, поступившим в Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») от двух граждан Российской Федерации, Свинаренко Александра Сергеевича и Сляднева Валентина Алексеевича (далее — «заявители»), 5 мая 2008 г. и 2 июля 2008 г. соответственно.

2. Заявители утверждали, в частности, что их содержание в «металлической клетке» в зале суда представляло собой унижающее достоинство обращение, запрещенное статьей 3 Конвенции, и что длительность судебного разбирательства по их уголовным делам была чрезмерной в нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

3. Жалобы были переданы на рассмотрение Первой Секции Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). 11 декабря 2012 г. Палата данной Секции вынесла постановление. Палата приняла решение о совместном рассмотрении жалоб (пункт 1 правила 42 Регламента Суда), признала жалобы на помещение заявителей в «металлическую клетку» и длительность судебного разбирательства по их делам приемлемыми, а остальную часть жалоб — неприемлемыми и единогласно установила, что по данному делу были допущены нарушения статьи 3 и пункта 1 статьи 6 Конвенции. В состав Палаты вошли следующие судьи: Изабелла Берро-Лефевр, Председатель,

Элизабет Штайнер, Нина Вайич, Анатолий Ковлер, Ханлар Гаджиев, Мирьяна Лазарова Трайковска и Юлия Лаффранк, а также Андрэ Вампаш, Заместитель Секретаря Секции. 7 марта 2013 г. Власти Российской Федерации (далее — «Власти») ходатайствовали о передаче дела в Большую Палату в соответствии со статьей 43 Конвенции; 29 апреля 2013 г. Коллегия Большой Палаты удовлетворила это ходатайство.

4. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с пунктами 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правилом 24 Регламента Суда.

5. И заявители, и Власти представили дополнительные замечания по существу дела в письменном виде (пункт 1 правила 59 Регламента Суда).

6. 18 сентября 2013 г. во Дворце прав человека в г. Страсбурге состоялось открытое слушание по делу (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

В судебном заседании приняли участие:

(а) *со стороны Властей*

Г. МАТЮШКИН, Уполномоченный Российской Федерации при
Европейском Суде по правам человека,
Н. МИХАЙЛОВ,
П. СМЕРНОВ,
О. ОЧЕРЕТЯНАЯ,

консультанты;

(б) *со стороны заявителей*

В. ПАЛЧИНСКИЙ, представитель А. Свиноренко,
Е. ПЛОТНИКОВ,
В. ТАЙСАЕВА, представители В. Сляднева

защитник,

защитники.

Суд заслушал выступления В. Палчинского, Е. Плотникова, В. Тайсаевой и Г. Матюшкина.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявители 1968 и 1970 г.г. рождения соответственно. Первый заявитель, А. Свиноренко, в настоящее время отбывает наказание в виде лишения свободы в Мурманской области. Второй заявитель, В. Сляднев, проживает в п. Синегорье Ягоднинского района Магаданской области.

А. Предварительное следствие

8. В 2002 г. Следственное управление Следственного комитета при МВД России по Дальневосточному федеральному округу возбудило ряд уголовных дел в отношении гражданина Грищина.

9. 24 сентября 2002 г. первый заявитель был допрошен в качестве одного из подозреваемых по данному делу. 9 октября 2002 г. он был задержан. В своем постановлении от 12 ноября 2002 г. об избрании в отношении первого заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу Магаданский

городской суд отметил, что инкриминируемые первому заявителю преступления совершены им в период трехлетнего испытательного срока по приговору Ягоднинского районного суда Магаданской области от 13 апреля 2001 г., которым он был признан виновным в совершении кражи, и которым ему было назначено наказание в виде пяти лет лишения свободы условно. Суд также отметил, что заявитель имеет отрицательные характеристики с места жительства, и что им было нарушено обязательство о явке в следственный орган: Первому заявителю было предъявлено обвинение в совершении разбоя в отношении гражданина А. С. и гражданки Т. С. в сентябре 2002 г. в составе группы лиц, которую возглавлял Гришин, а также в незаконном приобретении, хранении, перевозке и ношении боеприпасов.

10. 20 января 2003 г. второй заявитель, который на тот момент отбывал наказание в виде лишения свободы за причинение смерти по неосторожности по части 1 статьи 109 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — «УК РФ») по приговору Ягоднинского районного суда Магаданской области от 26 июля 2002 г., был допрошен в качестве одного из подозреваемых по делу, возбужденному в отношении Гришина. 22 января 2003 г. ему было предъявлено обвинение в совершении следующих преступлений:

(i) создание вооруженной группы под руководством Гришина и участие в нападениях на граждан, совершенных указанной группой в период с октября 2001 г. по сентябрь 2002 г. — преступление, предусмотренное частью 1 статьи 209 УК РФ;

(ii) разбой, совершенный организованной группой в октябре 2001 г. в отношении В. Б., директора частной золотоперерабатывающей компании, с применением оружия и насилия, опасного для жизни и здоровья, или с угрозой применения такого насилия, в целях хищения чужого имущества в крупном размере — преступление, предусмотренное частью 3 статьи 162 УК РФ;

(iii) незаконное хранение и перевозка драгоценных металлов (промышленного золота, предположительно похищенного у В. Б.) организованной группой в крупном размере в октябре 2001 г. — преступление, предусмотренное частью 2 статьи 191 УК РФ;

(iv) вымогательство (у В. Б.), совершенное организованной группой в октябре 2001 г. под угрозой применения насилия в целях получения права на имущество — преступление, предусмотренное частью 3 статьи 163 УК РФ;

(v) разбой в отношении Я. Б., совершенный группой лиц по предварительному сговору в октябре 2001 г. с применением оружия и насилия, опасного для жизни и здоровья, или с угрозой применения такого насилия, с незаконным проникновением в жилище в целях хищения чужого имущества в крупном размере — преступление, предусмотренное частью 3 статьи 162 УК РФ;

(vi) незаконные приобретение, хранение, передача, перевозка и ношение огнестрельного оружия организованной группой в октябре 2001 г. — преступление, предусмотренное частью 3 статьи 222 УК РФ.

11. 11 апреля 2003 г. Хасынский районный суд Магаданской области установил, что ввиду хорошего поведения и положительных характеристик второй заявитель имеет право на условно-досрочное освобождение на один год и три месяца раньше срока, который был ему назначен приговором Ягоднинского районного суда от 26 июля 2002 г., а именно два года и три месяца.

12. 24 апреля 2003 г. Магаданский городской суд вынес постановление об избрании в отношении второго заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу в рамках производства по уголовному делу, о котором идет речь в настоящем деле. Суд отметил, *inter alia*, что второй заявитель обвиняется в совершении тяжких преступлений в период трехлетнего испытательного срока по приговору Ягоднинского районного суда от 15 июня 2001 г., которым он был признан виновным в хулиганстве и в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, а также приговорен к четырем годам лишения свободы условно.

13. 20 мая 2003 г. следствие было завершено, и сторона защиты начала ознакомление с материалами дела.

14. 13 августа 2003 г. Магаданский городской суд установил, что второй заявитель намеренно затягивает ознакомление с материалами дела, и определил срок для ознакомления с материалами дела – до 5 сентября 2003 г.

Б. Судебные разбирательства

1. Первое судебное разбирательство

15. 19 сентября 2003 г. дело было направлено на рассмотрение в Магаданский областной суд. В период с 16 октября 2003 г. по 26 декабря 2003 г. суд провел предварительные судебные заседания, в ходе которых были приняты решения по многочисленным ходатайствам заявителей и двух других подсудимых по вопросу допустимости доказательств и другим процессуальным вопросам, а также по вопросу о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей по ходатайству подсудимых. В этот период по ходатайству других подсудимых судебное заседание было отложено примерно на четыре недели.

16. По результатам предварительного судебного заседания 26 декабря 2003 г. областной суд вынес постановление о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей в открытом судебном заседании 23 января 2004 г. В этот день вместо пятидесяти приглашенных кандидатов в присяжные заседатели перед судом предстало менее двадцати, поэтому суд распорядился о вызове 100 других кандидатов в присяжные заседатели.

17. 13 февраля 2004 г. был составлен список присяжных заседателей, и присяжные заседатели были приведены к присяге.

18. Областным судом было проведено около тридцати судебных заседаний, в ходе которых им был разрешен ряд процессуальных вопросов, таких как замена ряда присяжных заседателей, исключение и изучение определенных доказательств и проведение экспертиз. Суд изучил доказательства, включая показания потерпевших, свидетелей и экспертов, и заслушал подсудимых. Судебное заседание было отложено на две недели, поскольку один из защитников не смог явиться в суд.

19. 15 июня 2004 г. сторона обвинения изменила одно из обвинений в разбое, предъявленных второму заявителю (в отношении Я. Б.), на менее тяжкое обвинение в «самоуправстве» с применением насилия — преступлении, предусмотренном частью 2 статьи 330 УК РФ.

20. 22 июня 2004 г. присяжные заседатели признали заявителей невиновными. Последние были освобождены в зале суда. 29 июня 2004 г.

Магаданский областной суд вынес приговор, которым заявители были оправданы, и в котором за ними было признано право на реабилитацию.

21. Другие подсудимые и сторона обвинения подали кассационные жалобы на приговор суда первой инстанции. 7 декабря 2004 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев дело в кассационном порядке, отменила приговор на основании, *inter alia*, сокрытия некоторыми присяжными заседателями информации о наличии судимостей у членов их семей, несмотря на то, что они были обязаны довести такую информацию до сведения сторон и суда в процессе отбора их кандидатур, а также на том основании, что председательствующий не изложил результаты судебного разбирательства в своем напутственном слове присяжным заседателям, в частности, не напомнил о показаниях потерпевших и свидетелей. Верховный Суд РФ направил дело на новое рассмотрение в Магаданский областной суд.

2. Второе судебное разбирательство

22. 21 декабря 2004 г. материалы дела поступили в областной суд. Областной суд дважды откладывал судебное заседание — 31 января и 7 февраля 2005 г. — из-за неявки адвоката второго заявителя.

23. 8 февраля 2005 г. областной суд вынес постановление об избрании в отношении подсудимых меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

24. Вынесенное в тот же день постановление областного суда о направлении уголовного дела прокурору Магаданской области для устранения недостатков обвинительного заключения было обжаловано стороной защиты и отменено Верховным Судом РФ 26 апреля 2005 г. как ошибочное.

25. 17 июня 2005 г. заседание областного суда было отложено в связи с неявкой первого заявителя и одного из подсудимых; причины их неявки неизвестны. 21 июня 2005 г. оно вновь было отложено, на этот раз по причине госпитализации одного из подсудимых и невозможности рассмотрения дела в отношении других подсудимых в рамках отдельного производства.

26. Судебное заседание было возобновлено 22 ноября 2005 г. Однако в этот день вместо тридцати приглашенных кандидатов в присяжные заседатели перед судом предстало менее двадцати, поэтому суд распорядился о вызове 100 других кандидатов в присяжные заседатели.

27. 6 декабря 2005 г. областной суд вынес постановление об избрании в отношении заявителей и двух других подсудимых меры пресечения в виде заключения под стражу. Областной суд отметил наличие судимостей у заявителей, тяжесть предъявленных им обвинений и тот факт, что в ходе предварительного следствия и проводимого им судебного разбирательства некоторые из потерпевших и свидетелей высказали опасения по поводу неправомерного поведения со стороны подсудимых. В своем постановлении областной суд не привел никакой подробной информации об упомянутых опасениях, равно как и имена подсудимых, о которых шла речь. Кассационные жалобы заявителей на постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу были оставлены без удовлетворения определением Судебной коллегии по уголовным делам

Верховного Суда Российской Федерации от 22 февраля 2006 г. Оставляя постановление областного суда об избрании в отношении заявителей и двух других подсудимых меры пресечения в виде заключения под стражу без изменения, Верховный Суд РФ отметил, что один из потерпевших, Я. Б., ходатайствовал о рассмотрении дела без его участия в связи с тем, что он боялся давать показания в открытом судебном заседании. По мнению Верховного Суда РФ, данное опасение служило достаточным основанием для того, чтобы можно было считать, что обвиняемые не выполняют условие о невоспрепятствовании производству по делу, которое позволяло им оставаться на свободе в рамках подписки о невыезде. Впоследствии срок содержания заявителей под стражей был продлен по тем же основаниям.

28. 9 декабря 2005 г. был составлен список присяжных заседателей, и присяжные заседатели были приведены к присяге; судебные заседания были проведены судом 12, 20 и 23 декабря 2005 г. В последний из вышеуказанных дней одному из подсудимых было разрешено нанять нового адвоката. 27 декабря 2005 г. его новый адвокат не явился в суд; судебное заседание было отложено до 10 января 2006 г., поскольку дни с 1 по 9 января были нерабочими. Областной суд продолжил рассмотрение дела в январе. Им были вынесены определения по многочисленным ходатайствам процессуального характера, поданным стороной защиты, в частности, по отводам, заявленным ею председательствующему и прокурору.

29. Поскольку свидетели и потерпевшие, проживавшие в пос. Синегорье, несколько раз не явились в судебное заседание, 17 января 2006 г. суд вынес постановление об их принудительном приводе. В целях исполнения указанного постановления 20 января 2006 г. судебное заседание было отложено до 27 января 2006 г., а 26 февраля 2006 г. — до 10 марта 2006 г.

30. Рассмотрение дела продолжалось в феврале, марте, апреле и мае 2006 г. В этот период судебные заседания неоднократно откладывались — в общей сложности на четыре недели — по ходатайству присяжных заседателей, которые не имели возможности принять участие в рассмотрении дела, и на одну неделю — по ходатайству одного из адвокатов в связи с его болезнью. 2 июня 2006 г. председательствующий объявил, что изучение доказательств завершено. В ходе пяти судебных заседаний, проведенных в июне 2006 г., областной суд заслушал прения сторон. Суд отложил рассмотрение дела на период с 14 июля по 3 октября 2006 г. в связи с тем, что некоторые присяжные заседатели уезжали в центральную часть страны на период летних отпусков.

31. Судебное заседание было продолжено 3 октября 2006 г. Посоветовавшись со сторонами, суд принял решение о проведении прений сторон. Стороны выступили 6, 12 и 19 октября и 2 ноября 2006 г. Затем последовала подготовка вопросов для присяжных заседателей. 17 ноября 2006 г. присяжные заседатели вынесли свой вердикт. Первый заявитель был признан невиновным и был освобожден в зале суда.

32. 5 декабря 2006 г., после рассмотрения вопросов правового характера в ходе судебных заседаний, проведенных в ноябре и декабре, областной суд вынес приговор. Первый заявитель был оправдан, и за ним было признано право на реабилитацию. Второй заявитель был признан виновным в вымогательстве (в отношении В. Б.) и «самоуправстве» с применением насилия (в отношении Я. Б.) и был приговорен к семи годам лишения свободы (при этом ему был зачтен срок отбывания наказания по приговору,

вынесенному в 2001 г., условное наказание по которому было отменено). По остальным обвинениям он был оправдан. При этом до вступления приговора в силу второй заявитель должен был оставаться под стражей.

33. 6 июня 2007 г. Верховный Суд РФ рассмотрел кассационные жалобы на приговор, поданные одним из подсудимых, одним из потерпевших и стороной обвинения. Верховный Суд РФ установил нарушение порядка проведения судебного разбирательства по уголовным делам со стороны подсудимых и их адвокатов, которые злоупотребили своими правами и, несмотря на предупреждения председательствующего, обсуждали в присутствии присяжных заседателей вопросы, не входящие в сферу их компетенции. Они также делали замечания, которые не относились к вопросам, подлежавшим разрешению присяжными заседателями, и которые были направлены на дискредитацию имевшихся против них доказательств и, соответственно, на создание отрицательного образа потерпевших и председательствующего и положительного мнения о них самих. Верховный Суд РФ постановил, что они оказали незаконное воздействие на присяжных заседателей, повлиявшее на принятие вердикта. Также было отмечено, что вердикт присяжных заседателей не был абсолютно ясным, поскольку некоторые ответы на заданные им вопросы были противоречивыми. Верховный Суд РФ отменил приговор и направил дело на новое рассмотрение в областной суд. При этом Верховный Суд РФ также вынес постановление о том, что второй заявитель должен оставаться под стражей.

34. В августе 2007 г. первый заявитель был заключен под стражу до суда в рамках другого уголовного дела, возбужденного в отношении него по подозрению в вымогательстве, предположительно имевшем место в 2002 г.; данное дело не было связано с вышеупомянутым уголовным делом.

3. Третье судебное разбирательство

35. 4 сентября 2007 г. дело поступило в Магаданский областной суд. 5 октября 2007 г. вместо 100 приглашенных кандидатов в присяжные заседатели перед областным судом предстало менее двадцати, поэтому суд распорядился о вызове других 150 кандидатов в присяжные заседатели.

36. 2 ноября 2007 г. начался отбор присяжных заседателей. Однако после того, как несколько кандидатов в присяжные заседатели отказались принять участие в процессе, их количества по-прежнему было недостаточно, поэтому суд распорядился о вызове других 150 кандидатов в присяжные заседатели. То же самое повторилось 22 ноября 2007 г.

37. 11 декабря 2007 г. и 17 января 2008 г. кандидаты в присяжные заседатели вновь предстали перед областным судом в недостаточном количестве, в результате чего потребовалось вызвать еще 200 и 250 человек соответственно.

38. 5 февраля 2008 г. был составлен список присяжных заседателей в составе двенадцати основных и двух запасных присяжных заседателей, отобранных из числа тридцати четырех кандидатов в присяжные заседатели, представивших перед судом, после чего началось судебное разбирательство. В период с февраля по июнь 2008 г. суд ежемесячно проводил по пять или шесть судебных заседаний, в июле — два, в августе — четыре (после перерыва по причине отпусков присяжных заседателей в период с 1 июля по 18 августа 2008 г.), в сентябре — одиннадцать, в октябре — шесть, в

ноябре — десять и в декабре — четыре. Некоторые из этих судебных заседаний были проведены в отсутствие присяжных заседателей, поскольку они были посвящены различным вопросам процессуального характера, в том числе допустимости доказательств и ходатайствам об изучении доказательств в присутствии присяжных заседателей. Суд рассмотрел большое количество доказательств, включая показания более чем семидесяти потерпевших и свидетелей и многочисленные экспертные заключения.

39. Около месяца судебное разбирательство откладывалось по причине болезни одного из подсудимых. Некоторая задержка была вызвана трудностями в обеспечении явки ряда потерпевших и свидетелей, проживавших в отдаленных населенных пунктах в районах поселков Бурхалы и Синегорья либо переехавших в центральный и другие регионы страны.

40. 13 февраля 2009 г. областной суд начал заслушивать прения сторон.

41. 7 марта 2009 г. присяжные заседатели вновь вынесли вердикт о невинности первого заявителя. Второй заявитель был признан виновным в «самоуправстве» и невинным по остальным пунктам обвинения.

42. 12 марта 2009 г. областной суд вынес постановление об освобождении второго заявителя под подписку о невыезде и надлежащем поведении.

43. 19 марта 2009 г. областной суд вынес приговор, которым первый заявитель был оправдан, а в отношении второго заявителя было установлено, что 11 октября 2001 г. он, Гришин и Н. Г. (в отношении которого уголовное дело было прекращено по причине его смерти) обратились к Я. Б. с просьбой вернуть долг в размере 100 000 рублей; после того, как Я. Б. отказался это сделать, Гришин и Н. Г. избили его; второй заявитель избил С. К., ставшего свидетелем избиения Я. Б.; затем они отвезли Я. Б. домой, где Гришин отобрал у него деньги в размере 247 000 рублей.

44. Областной суд отметил, что материалы дела содержат противоречивые характеристики второго заявителя: местным органом власти и сотрудником районной полиции по месту его проживания он был охарактеризован отрицательно, а администрацией следственного изолятора, в котором он содержался под стражей до суда, и администрацией тюрьмы, в которой он отбывал наказание по предыдущему приговору — положительно.

45. Областной суд признал второго заявителя виновным в «самоуправстве» с применением насилия — преступлении, предусмотренном частью 2 статьи 330 УК РФ, приговорил его к двум годам и десяти месяцам лишения свободы, отменил условное наказание по вынесенному им в 2001 г. приговору в связи с совершением нового преступления в течение испытательного срока и, приговорил его в общей сложности к четырем годам и пяти месяцам лишения свободы; при этом суд освободил его от отбывания наказания в рамках осуждения по части 2 статьи 330 УК РФ в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности и установил, что оставшая часть наказания была им отбита во время содержания под стражей в периоды с 24 апреля 2003 г. по 22 июня 2004 г. и с 6 декабря 2005 г. по 12 марта 2009 г., общая продолжительность которых составила четыре года, пять месяцев и шесть дней. По остальным обвинениям он был оправдан.

46. По данным на 19 марта 2009 г., первый заявитель все еще находился под стражей в рамках производства по другому уголовному делу в отношении него, которое не связано с настоящим делом (см. пункт 34 выше).

47. 23 июля 2009 г. Верховный Суд РФ оставил кассационную жалобу другого подсудимого и стороны обвинения без удовлетворения, а приговор — без изменения.

В. Условия в зале суда

48. В период содержания заявителей под стражей до вынесения приговора они доставлялись в Магаданский областной суд из следственного изолятора под милицейским конвоем. Во время судебных заседаний они сидели на скамье, которая была огорожена с четырех сторон металлическими прутьями диаметром 10 мм. Ограждение было длиной 255 сантиметров, шириной 150 сантиметров и высотой 225 сантиметров; сверху имелось перекрытие из металлической сетки Рабица, а дверь также была изготовлена из металлических прутьев. Расстояние между металлическими прутьями составляло 19 сантиметров.

49. Рядом со скамьей, огороженной клеткой, находились вооруженные сотрудники милиции. На каждое содержащееся под стражей лицо всегда приходилось по два сотрудника милиции: в ходе первого и второго судебных разбирательств присутствовало в общей сложности восемь милиционеров, а в ходе третьего разбирательства для заявителей и еще одного обвиняемого по уголовному делу было выделено шесть милиционеров.

Г. Производство по вопросу о компенсации

50. После того, как оправдательный приговор в отношении первого заявителя вступил в силу, он предъявил иск к государству о возмещении ущерба, понесенного им в результате возбуждения в отношении него уголовного дела.

51. 23 октября 2009 г. Магаданский областной суд присудил ему в качестве компенсации материального ущерба 18 569 рублей в размере пособия по безработице, не выплаченного по причине его содержания под стражей. 17 декабря 2009 г. Верховный Суд Российской Федерации оставил постановление областного суда без изменения.

52. 1 марта 2010 г. Магаданский городской суд присудил первому заявителю 50 000 рублей в качестве компенсации морального вреда, причиненного ему в результате его уголовного преследования, взятия с него подписки о невыезде и содержания его под стражей в период с 9 октября 2002 г. до момента его освобождения, после вынесения первого вердикта присяжных заседателей о его невиновности от 22 июня 2004 г., и в период с 6 декабря 2005 г. по 17 ноября 2006 г. Заявитель обжаловал это решение, заявив, *inter alia*, что присужденная ему сумма является несправедливой и необоснованной. 30 марта 2010 г. Магаданский областной суд оставил кассационную жалобу заявителя без удовлетворения, а решение городского суда — без изменения.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

А. Запрет на обращение, унижающее человеческое достоинство

53. В части, применимой к настоящему делу, статья 21 Конституции Российской Федерации гласит следующее:

«1. Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления.

2. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию...»

54. Статья 9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации запрещает, *inter alia*, обращение, унижающее человеческое достоинство участников уголовного судопроизводства.

Б. Металлические клетки в залах судебных заседаний

1. Информационное письмо Министерства юстиции Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации

55. В неопубликованном совместном информационном письме Министерства юстиции Российской Федерации (№ 5-63-96), Верховного Суда Российской Федерации (№ 11-нк/7) и Министерства внутренних дел Российской Федерации (№ 1/483) от 3 февраля 1993 г. содержались «предложения по созданию надлежащих условий для рассмотрения судами уголовных дел, безопасности участников судебных процессов и несения службы личным составом караулов внутренних войск и конвоев милиции». Председателям судов общей юрисдикции предписывалось: «до 1 января 1994 г. все залы судебных заседаний оборудовать специальными стационарными металлическими заграждениями, отделяющими подсудимых от состава суда и присутствующих граждан». Сотрудникам, осуществлявшим конвоирование заключенных, предписывалось помещать за эти «заграждения» всех подсудимых, содержащихся под стражей.

2. Приказы Министерства внутренних дел Российской Федерации

(а) Приказ 1996 г.

56. Наставлением по содержанию, охране и конвоированию подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, утвержденным Верховным Судом Российской Федерации, Министерством юстиции Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Российской Федерации и утвержденным впоследствии Приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 41 (дсп), предусматривалось помещение подсудимых за металлическое «заграждение» в зале суда.

(б) Приказ 2006 г.

57. Аналогичное положение было включено в Наставление по служебной деятельности изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, подразделений охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых, утвержденное Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации 8 февраля 2006 г. (№ СД-АГ/269) и Генеральной прокуратурой Российской Федерации 16 февраля 2006 г. (№ 16-13-06) и утвержденное впоследствии Приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 7 марта 2006 г. № 140 (дсп). В соответствии с последним из упомянутых Наставлений подозреваемых и обвиняемых запрещается конвоировать в залы судебных заседаний, не оборудованные «защитным ограждением, барьером».

(в) Пересмотр указанных приказов Верховным Судом РФ

58. Приказ № 41 был оспорен в Верховном Суде Российской Федерации Ш. на том основании, что его положения о содержании обвиняемых за металлическим «заграждением» в ходе судебных разбирательств представляют собой нарушение положений внутреннего законодательства и Конвенции, поскольку последними запрещается унижающее достоинство обращение и гарантируется право на справедливое судебное разбирательство. Он жаловался, что во время судебного разбирательства его фактически содержали в металлической клетке в зале суда, вследствие чего он не имел возможности общаться со своим адвокатом.

59. В своем решении от 19 октября 2004 г. Верховный Суд РФ в составе одного судьи отметил, что оспариваемое положение касается лиц, содержащихся под стражей по решению суда в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса РФ, и что их охрана и конвоирование в зал суда из следственных изоляторов является обязанностью милиции (часть 16 статьи 10 закона «О милиции»). Суд напомнил, что содержание под стражей должно осуществляться в соответствии с принципами законности, справедливости, презумпции невиновности, равенства всех граждан перед законом, гуманизма, уважения человеческого достоинства, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, принципами и нормами международного права, а также международными договорами Российской Федерации и не должно сопровождаться пытками, иными действиями, имеющими целью причинение физических или нравственных страданий (Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»). Ввиду вышеизложенного Верховный Суд РФ был убежден в том, что указанное положение приказа о содержании обвиняемых за металлическим «заграждением» не может считаться посягательством на человеческую честь и достоинство и нарушением права на справедливое судебное разбирательство.

60. Ш. подал кассационную жалобу на решение Верховного Суда РФ, заявив, *inter alia*, что в решении не была приведена его мотивировка. 23 декабря 2004 г. Коллегия Верховного Суда РФ в составе трех судей отказала в удовлетворении его кассационной жалобы, согласившись со всеми выводами суда первой инстанции. Коллегия отметила, что в оспариваемом приказе не были указаны характеристики металлического «заграждения».

61. Заявления об оспаривании законности обоих приказов (от 1996 и 2006 г., см. пункты 56 и 57 выше) ввиду отсутствия их официального опубликования были отклонены Верховным Судом Российской Федерации, который указал, что данные приказы не подлежат опубликованию, поскольку они содержат конфиденциальную информацию и были зарегистрированы в Министерстве юстиции Российской Федерации (решение от 2 декабря 2002 г., оставленное без изменения Коллегией Верховного Суда РФ 24 апреля 2003 г., в отношении приказа № 41 и решение от 7 декабря 2011 г. в отношении приказа № 140).

3. Нормы по проектированию и строительству

(а) Правила, действовавшие на момент судебного разбирательства по делу заявителей

62. Приказом от 2 декабря 1999 г. № 154 Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации утвердил «Свод правил по проектированию и строительству „Зданий судов общей юрисдикции“» (СП 31-104-2000). Указанный свод правил также был утвержден Федеральным агентством по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству и 1 августа 2000 г. вступил в силу. Правила были утверждены коллективом специалистов, включая Председателя Верховного Суда Российской Федерации, Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и членов Совета Судей Российской Федерации. В данном Своде правил были учтены предложения, изложенные в совместном информационном письме Министерства юстиции Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 3 февраля 1993 г. (см. пункт 55 выше).

63. Правилами предусматривалась специальная зона для подсудимых в залах судебных заседаний для слушания уголовных дел, огражденная с четырех сторон металлической заградительной решеткой высотой 220 сантиметров, изготовленной из металлического прута диаметром не менее 14 миллиметров, с перекрытием из сетки Рабица или высотой до потолка зала; при этом заградительная решетка должна была иметь дверь (пункты 5.4, 5.9 и 8.3 Свода правил).

64. Среди прочих мер по обеспечению безопасности указанными правилами предусматривался изолированный путь от камер для подсудимых в здании суда до зала судебных заседаний, проходящий по отдельным коридорам и лестницам. На входе в здание суда и в зал судебных заседаний для слушания уголовных дел должно было предусматриваться место для установки металлоискателей. На окнах в зале судебных заседаний должны были быть установлены металлические заградительные решетки (пункты 5.11, 5.35, 8.1 и 8.2 правил).

(б) Новые правила

65. С 1 июля 2013 г. проектирование и планировка зданий судов общей юрисдикции регулируются Сводом правил, разработанных группой специалистов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и архитектурно-строительных организаций, которые были

утверждены Федеральным агентством по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству 25 декабря 2012 г.

66. Новым Сводом правил предусматриваются два вида «защитных кабин» для лиц, содержащихся под стражей, в залах судебных заседаний, а именно «защитная кабина», выполненная из металлической решетки, которая имеет те же характеристики, что были указаны в старых правилах (см. пункт 63 выше), и «изолирующая светопрозрачная защитная кабина», изготовленная из стального каркаса и пуленепробиваемых стеклянных стен. И та, и другая кабина должна быть оборудована дверьми, закрывающимися извне.

В. Предварительное заключение

67. В соответствии с положением общего характера, содержащимся в статье 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, заключение под стражу могло применяться по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет (с декабря 2012 г. — трех лет), при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения, например, подписки о невыезде, личного поручительства или залога. Тем не менее, в исключительных случаях под стражу мог быть заключен подозреваемый или обвиняемый в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на меньший срок, в частности, если подозреваемый или обвиняемый не имел постоянного места жительства, если не была установлена его личность, либо если им была нарушена ранее избранная мера пресечения, или если он скрылся.

68. Суд был обязан рассматривать вопрос о наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый может скрыться, продолжить заниматься преступной деятельностью или воспрепятствовать производству по уголовному делу (там же, статья 97). При этом также должны были учитываться иные обстоятельства, такие как тяжесть преступления, сведения о личности обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение и род занятий (там же, статья 99).

69. В результате внесения поправок в Уголовно-процессуальный кодекс РФ в период с декабря 2009 г. по ноябрь 2012 г. лица, подозреваемые или обвиняемые в совершении некоторых преступлений против собственности и в сфере экономической деятельности без применения насилия, больше не могут заключаться под стражу до суда.

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ НОРМЫ И ПРАКТИКА ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

А. Комитет ООН по правам человека

70. На заседании, проведенном 20 марта 2014 г., после рассмотрения сообщения № 1405/2005, представленного Михаилом Пустовойтом в отношении Украины, Комитет ООН по правам человека принял Соображения, согласно которым помещение М. Пустовойта в металлическую

клетку в ходе открытого судебного разбирательства по его делу, в то время как его руки были скованы наручниками у него за спиной, представляло собой нарушение статьи 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, взятой отдельно, в связи с унижающим достоинство обращением, которому он был подвергнут вышеописанным образом, и в совокупности с пунктом 1 статьи 14 Пакта—в связи с унижающим достоинство обращением, повлиявшим на справедливость судебного разбирательства по его делу (пункты 9.3 и 10 Соображений).

Б. Минимальные стандартные правила ООН по обращению с заключенными

71. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые на Первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в г. Женеве в 1955 г., и одобренные Экономическим и Социальным Советом в его резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 г. и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 г., включают в себя следующий основополагающий принцип, касающийся мер пресечения:

«33. В качестве наказания никогда не следует пользоваться такими мерами пресечения, как наручники, кандалы, смирительные рубашки или цепи. Кроме того, кандалами и цепями вообще нельзя пользоваться как средством усмирения. Другими средствами усмирения можно пользоваться только в следующих случаях:

(а) для предотвращения побегов во время транспортировки при условии, что заключенные освобождаются от оков, как только они предстают перед судебными или административными органами;

...»

В. Международные трибуналы

72. Правилами процедуры и доказывания Международного трибунала по бывшей Югославии (правило 83) и Международного трибунала по Руанде (правило 83) предусматривается, что средства усмирения, такие как наручники, могут использоваться исключительно в качестве меры предосторожности для предотвращения побега во время транспортировки или из соображений безопасности; однако средства усмирения должны быть сняты сразу же после того, как обвиняемый предстанет перед судом.

73. Статья 63 Римского статута Международного уголовного суда гласит:

«1. Обвиняемый присутствует на судебном разбирательстве.

2. Если обвиняемый, присутствуя в Суде, продолжает нарушать ход судебного разбирательства, Судебная палата может удалить обвиняемого и предоставляет ему возможность следить за ходом разбирательства и давать указания защитнику, находясь за пределами зала заседаний, с использованием, когда это необходимо, средств связи. Указанные меры принимаются только в исключительных обстоятельствах после того, как иные разумные меры были признаны непригодными, и только в течение такого периода времени, который является строго необходимым».

Г. Организация Amnesty International

74. «Руководство по справедливому судопроизводству», разработанное организацией Amnesty International, гласит следующее:

«15.3 Процедуры, противоречащие принципу презумпции невиновности

...

Особое внимание должно уделяться тому, чтобы в ходе судебного разбирательства обвиняемому не присваивались признаки вины, что может повлиять на презумпцию невиновности. Такие признаки могут включать содержание обвиняемого в клетке в зале суда ...»

Д. Использование «металлической клетки» в залах судебных заседаний в государствах-членах Совета Европы

75. «Металлическая клетка» использовалась как стандартная мера безопасности в отношении подозреваемых и обвиняемых, предстающих перед судом во время нахождения под стражей, в некоторых государствах-членах Совета Европы, например, в Армении, Азербайджане, Грузии, Молдове и Украине. Армения и Грузия отказались от ее использования (см. постановление Европейского Суда от 15 июня 2010 г. по делу «Ашот Харутюнян против Армении» (*Ashot Harutyunyan v. Armenia*), жалоба № 34334/04, пункт 118, и Резолюцию CM/ResDH(2011)105 Комитета министров Совета Европы). Молдова и Украина находятся в процессе отказа от использования металлических клеток (см., в отношении Украины, «Переходные положения» Уголовно-процессуального кодекса Украины 2012 г., в частности, пункт 21 статьи XI, которым Кабинету Министров Украины было поручено внести на рассмотрение Верховной Рады Украины предложения по обеспечению финансирования для замены в залах судебных заседаний «металлических заграждений» на «заграждения из стекла или органического стекла»). В Азербайджане, несмотря на то, что в некоторых судах «металлические клетки» заменены на «стеклянные заграждения» (см., например, раздел 3 «Достижения в сфере правосудия» Отчета Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе о мониторинге судебных процессов в Азербайджане за 2011 год), Инструкцией Министерства юстиции Республики Азербайджан от 29 декабря 2012 г. «О порядке конвоирования задержанных и осужденных» и Инструкцией Министерства внутренних дел Республики Азербайджан от 14 января 2013 г. «О порядке охраны и конвоирования полицией лиц, содержащихся в изоляторах временного содержания» предусматривается их дальнейшее использование.

76. В некоторых других государствах-членах Совета Европы «клетки» используются из соображений безопасности при определенных обстоятельствах либо в определенных судах. Например, в Суде по тяжким преступлениям в Албании обвиняемый может быть помещен на скамью подсудимых, огороженную металлическими заградительными решетками. В Сербии имеется один зал судебных заседаний — в районной (центральной) тюрьме в г. Белграде — служащий дополнительным залом заседаний для Верховного Суда в г. Белграде; в нем скамья подсудимых ограждена

металлическими заградительными решетками и пуленепробиваемым стеклом. Во Франции в некоторых судах используются стеклянные «заграждения», которые в редких случаях укрепляются стальными тросами и используются по решению председательствующего судьи конкретного суда. В Латвии, несмотря на то, что меньшая часть судов до сих пор оборудована металлическими клетками, в настоящее время эта практика выходит из употребления. В Италии металлические клетки, установленные в 1980-х г.г. для проведения судебных процессов по делам лиц, предположительно являвшихся членами мафии или террористических групп, больше не используются.

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ВЛАСТЕЙ

77. В своих замечаниях, представленных в Большую Палату, Власти указали, что первый заявитель не вправе утверждать о том, что он является жертвой предполагаемых нарушений статьи 3 (в связи с его помещением в металлическую клетку в зале суда) и статьи 6 (в связи с длительностью судебного разбирательства по его уголовному делу), поскольку он был полностью оправдан и получил компенсацию в рамках последовавшей за этим реабилитации (см. пункты 50–52 выше).

78. Заявитель не согласился с этим, отметив, в частности, незначительный размер компенсации и тот факт, что длительность судебного разбирательства учтена не была. Он подчеркнул, что федеральный закон от 30 апреля 2010 г., благодаря которому появилась возможность получения компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, вступил в силу после его реабилитации.

79. Большая Палата может рассматривать, при необходимости, вопросы о приемлемости жалобы на основании пункта 4 статьи 35 Конвенции, поскольку это положение позволяет Суду отклонять те жалобы, которые он сочтет неприемлемыми, «на любой стадии разбирательства» (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Одьевр против Франции» (*Odièvre v. France*), жалоба № 42326/98, пункт 22, ECHR 2003-III). Тем не менее, согласно правилу 55 Регламента Суда, любое заявление о неприемлемости жалобы должно, насколько позволяет его характер и обстоятельства, быть выдвинуто Властями государства-участника Конвенции, являющегося ответчиком по делу, в их письменных или устных замечаниях по вопросу приемлемости жалобы, представленных в соответствии с правилом 51 либо 54, в зависимости от конкретного случая. Если в ходе разбирательства дела в Суде происходит процессуально значимое событие, которое может повлиять на приемлемость жалобы, в интересах надлежащего отправления правосудия государство-участник Конвенции должно заявить свои официальные возражения незамедлительно (см., *mutatis mutandis*, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «N.C. против Италии» (*N.C. v. Italy*), жалоба № 24952/94, пункт 45, ECHR 2002-X, и постановление Европейского Суда от 25 октября 2007 г. по

делу «Лебедев против России» (*Lebedev v. Russia*), жалоба № 4493/04, пункты 39–40).

80. В данном случае Власти не заявили в своих замечаниях такого возражения о неприемлемости жалобы до того, как Палата приняла решение по вопросу приемлемости жалобы. Власти представили свои замечания по вопросу приемлемости жалобы 18 февраля 2009 г. Процедура реабилитации завершилась 30 марта 2010 г. (см. пункт 52 выше). Ничто не мешало Властям выступить с заявлением о неприемлемости жалобы в связи с окончанием процедуры реабилитации перед Палатой, которая вынесла решение по вопросу приемлемости и по существу жалобы спустя более двух лет и восьми месяцев, а именно 11 декабря 2012 г.

81. Кроме того, в своем письме от 10 февраля 2011 г., поступившем в Суд 2 марта 2011 г., первый заявитель сообщил Суду об окончании процедуры реабилитации и приложил копию соответствующих судебных решений. На основании пункта 1 правила 38 Регламента Суда Председатель Секции принял решение о приобщении замечаний заявителя к материалам дела в целях их рассмотрения Судом и направил их для ознакомления Властям 10 марта 2011 г., задолго до рассмотрения Палатой вопроса о приемлемости жалобы.

82. В отсутствие каких-либо исключительных обстоятельств, которые могли бы освободить Власти от обязательства по своевременному выдвиганию этого возражения, Суд считает, что Власти не вправе выступать с предварительным возражением против того, чтобы считать первого заявителя жертвой нарушения (см. постановления Европейского Суда по делам «Сейдович против Италии» (*Sejdovic v. Italy*) [GC], жалоба № 56581/00, пункт 41, ECHR 2006-II; «Прокопович против России» (*Prokopovich v. Russia*), жалоба № 58255/00, пункт 29, ECHR 2004-XI (выдержки); и «Андреева против Латвии» (*Andrejeva v. Latvia*) [GC], жалоба № 55707/00, пункт 49, ECHR 2009).

83. Таким образом, предварительное возражение Властей подлежит отклонению.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

84. Заявители жаловались на то, что они содержались в металлической клетке в зале суда в ходе разбирательства в суде первой инстанции. Они утверждали, что содержание их в такой клетке представляет собой унижающее достоинство обращение, запрещенное статьей 3 Конвенции, которая гласит следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Правило шести месяцев и компетенция Суда

85. Суд отмечает, что Власти не выдвигали вопрос о соблюдении заявителями шестимесячного срока ни перед Палатой, ни перед Большой Палатой. Палата также не рассмотрела этот вопрос в своем постановлении, однако признала жалобу заявителей на содержание их в клетке приемлемой и установила — ввиду обстоятельств третьего судебного разбирательства —

нарушение статьи 3. С учетом компетенции применять правило шести месяцев по своей собственной инициативе (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 29 июня 2012 г. по делу «Сабры Гюнеш против Турции» (*Sabri Güneş v. Turkey*), жалоба № 27396/06, пункт 29), Суд считает целесообразным рассмотреть этот вопрос в рамках настоящего дела.

86. Суд напоминает, что, как правило, шестимесячный срок отсчитывается с момента вынесения окончательного решения в процессе исчерпания внутренних средств правовой защиты. Тем не менее, в тех случаях, когда изначально ясно, что заявитель не имеет в своем распоряжении эффективных средств правовой защиты, данный срок исчисляется с того дня, когда были произведены действия или приняты меры, являющиеся предметом жалобы, либо с того дня, когда заявитель узнал о таких действиях или их последствиях либо о причиненном вреде (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Варнава и другие против Турции» (*Varnava and Others v. Turkey*), жалобы №№ 16064/90, 16065/90, 16066/90, 16068/90, 16069/90, 16070/90, 16071/90, 16072/90 и 16073/90, пункт 157, ECHR 2009). Если предполагаемое нарушение представляет собой длящееся обстоятельство, для которого не предусмотрено внутреннего средства правовой защиты, шестимесячный срок начинает течь с момента прекращения существования указанного длящегося обстоятельства (см. решение Европейского Суда от 1 июня 2004 г. по делу «Юльке против Турции» (*Ülke v. Turkey*), жалоба № 39437/98). В период существования такого обстоятельства правило шести месяцев неприменимо (см. постановление Европейского Суда от 14 октября 2008 г. по делу «Йордаке против Румынии» (*Iordache v. Romania*), жалоба № 6817/02, пункт 50). Понятие «длящееся обстоятельство» относится к такому положению дел, при котором имеются непрерывные действия, предпринимаемые государством либо от его имени, жертвой которых является заявитель (см. решение Европейского Суда от 4 декабря 2007 г. по делу «Петков и другие против Болгарии» (*Petkov and Others v. Bulgaria*), жалобы №№ 77568/01, 178/02 и 505/02). Суд уже установил, что в случае повторения одних и тех же событий, таких как, к примеру, перевозка заявителя из следственного изолятора в здание суда и обратно, даже если заявитель доставлялся туда не постоянно, а в определенные дни, отсутствие каких-либо значительных изменений в условиях перевозки, которой он регулярно подвергался, привело, по мнению Суда, к возникновению «длящегося обстоятельства», вследствие чего под компетенцию Суда подпадает весь обжалуемый период (см. постановление Европейского Суда от 17 января 2012 г. по делу «Фетисов и другие против России» (*Fetisov and Others v. Russia*), жалобы №№ 43710/07, 6023/08, 11248/08, 27668/08, 31242/08 и 52133/08, пункт 75). Это касается и тех ситуаций, когда заявители, которые содержатся под стражей, как в данном случае, регулярно помещаются в металлическую клетку в зале суда при каждом их доставлении из следственного изолятора в суд для рассмотрения их дела.

87. Суд отмечает, что заявители не обращались с данной жалобой в национальные органы, утверждая, что помещение в металлическую клетку в зале суда — это стандартная практика, применяющаяся ко всем без исключения подозреваемым и обвиняемым, содержащимся под стражей; при этом данное утверждение не было оспорено Властями. Для того чтобы соблюсти правило шести месяцев, заявители, предполагавшие, что в данных

обстоятельствах никаких внутренних средств правовой защиты для исчерпания не имеется, должны были, таким образом, подать свои жалобы в Суд в срок не позднее шести месяцев с момента прекращения обжалуемой ситуации. Подав свои жалобы 5 мая 2008 г. и 2 июля 2008 г. соответственно, в период проведения третьего судебного разбирательства, заявители выполнили это правило только в отношении вопроса о содержании их в клетке в ходе третьего судебного разбирательства. В связи с этим Суд не будет рассматривать вопрос о содержании их в клетке в ходе первого и второго судебных разбирательств, завершившихся в 2004 и 2006 г. — более чем за шесть месяцев до момента подачи жалоб, поскольку данный вопрос выходит за рамки его компетенции (см., *mutatis mutandis*, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кипр против Турции» (*Cyprus v. Turkey*), жалоба № 25781/94, пункт 104, ECHR 2001–IV).

Б. Замечания сторон, представленные в Большую Палату

1. Доводы Властей

88. Власти утверждали, что в СССР скамья для обвиняемых по уголовным делам в зале суда напоминала трибуну. Впервые металлическая «решетка» была использована в 1992 г. при проведении судебного процесса по делу известного серийного убийцы А. Чикатило для того, чтобы защитить подсудимого от родственников его многочисленных жертв.

89. В России «металлические заграждения» в залах судебных заседаний были введены в 1994 г. в соответствии с совместным информационным письмом Министерства юстиции Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 3 февраля 1993 г. (см. пункт 55 выше) в ответ на рост преступности в период после распада СССР и в период реорганизации государственной системы. Данная мера была направлена на предотвращение побега обвиняемых по уголовным делам и их нападения на конвой, судей, свидетелей и потерпевших в связи с учащением таких случаев, а также на обеспечение безопасности присутствующих в залах судебных заседаний.

90. По официальным данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации и Статкомитета СНГ (Содружества Независимых Государств), по сравнению с предыдущим годом в 1992 г. уровень преступности в России и в странах СНГ вырос на 27% и 24% соответственно. В тот же период в России количество тяжких преступлений возросло более чем на 30%, преступлений, совершенных группой лиц, — на 30% и грабежей — на 66%. В 1994 г. по сравнению с предыдущим годом общее количество лиц, осужденных по вступившим в законную силу приговорам, увеличилось на 16,7%, составив 924 574 человека.

91. Власти утверждали, что, хотя с тех пор ситуация улучшилась, использование «защитных заграждений» по-прежнему является оправданным как средство предотвращения побегов, которое позволяет судьям и прокурорам не отвлекаться от исполнения своих основных обязанностей, а потерпевшим, свидетелям и другим участникам судопроизводства — чувствовать себя в большей безопасности, а также обеспечивает защиту подсудимых от гнева их жертв. Кроме того, оковами, надеваемыми на

запястье или лодыжку, движения подсудимых не стесняются, и они могут принимать более удобные позы. Власти заявили, что безопаснее предотвратить любые попытки побега со стороны обвиняемого, содержащегося под стражей, чем задерживать его после побега. Они утверждали, что международных документов, запрещающих помещение обвиняемых, содержащихся под стражей, за «защитные заграждения» в залах судебных заседаний или устанавливающих требования к использованию таких «заграждений», не существует.

92. Согласно статистическим данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, в период с 2009 по 2013 год общее количество побегов из залов судебных заседаний в России составило 0, 4, 5, 2 и 3 случая в год соответственно; общее количество нападений содержащихся под стражей подозреваемых и обвиняемых на представителей государства в залах судебных заседаний — 1, 1, 7, 0 и 7 случаев в год соответственно; а общее количество случаев членовредительства со стороны содержащихся под стражей лиц в залах судебных заседаний — 4, 14, 20, 16 и 18 случаев в год соответственно. Власти утверждали, что, если бы содержащиеся под стражей подозреваемые и обвиняемые не помещались за «защитные заграждения», эти цифры были бы выше.

93. Власти утверждали, что помещение за «защитное заграждение» применяется ко всем подозреваемым и обвиняемым, содержащимся под стражей до суда. Тем не менее, порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и продления его срока служит гарантией защиты от произвола и неизбирательного применения данной меры пресечения. Власти сослались на правовые нормы, регулирующие порядок применения меры пресечения в виде заключения под стражу, которая должна являться исключительной мерой, назначаемой судебным органом по результатам оценки индивидуальных обстоятельств, свидетельствующих о существовании опасности побега, продолжения дальнейшей преступной деятельности или воспрепятствования отправлению правосудия, и только в отношении тех лиц, которые подозреваются или обвиняются в совершении наиболее тяжких преступлений и представляют значительную опасность для общества (см. пункты 67–69 выше).

94. Согласно ежегодным статистическим отчетам Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, доля обвиняемых, содержащихся под стражей до суда, в общем количестве обвиняемых, предстающих перед судами первой инстанции, снизилась с 17,7%, или 241 111 человек, в 2007 г. (без учета военных судов) до 12,8%, или 134 937 человек, в 2012 г.

95. Власти утверждали, что заявители по настоящему делу содержались в зале суда в клетке в интересах общественной безопасности и в строгом соответствии с требованиями национального законодательства. Доказательств того, что состояние их здоровья было неудовлетворительным, или что во время судебных заседаний им постоянно требовалась медицинская помощь, не имелось. Заявители не являлись известными публичными фигурами, чье появление в зале суда за «защитным заграждением» могло бы серьезно повлиять на их репутацию. Их судебный процесс не был «громким»; при этом нет никаких доказательств того, что он получил широкую огласку в средствах массовой информации, помимо ряда местных СМИ, или что он прошел при участии широкой общественности.

Более того, свидетели и потерпевшие отказались принимать участие в судебных заседаниях, опасаясь мести со стороны заявителей. Власти усомнились в том, что родственники и знакомые заявителей присутствовали на каких-либо судебных заседаниях, тем более, ввиду того, что процесс проходил в г. Магадане, а заявители приезжали из пос. Синегорье, расположенного на расстоянии 500 км, и регулярного транспортного сообщения между этими населенными пунктами не было.

96. Власти утверждали, что Палата явно недооценила факт наличия судимостей у заявителей (см. пункты 9, 10 и 12 выше). В прошлом ими были совершены насильственные преступления в составе организованных групп; по мнению Властей, уже одного этого факта было достаточно для подтверждения склонности заявителей к насилию и существования реальных угроз безопасности. Помимо того факта, что первый заявитель был судим за кражу, Власти сослались на то, что в 1990 г. он был осужден за покушение на изнасилование несовершеннолетней, в 2001 г. — за разбой, а в 2011 г. был осужден Магаданским областным судом за принадлежность к длительно существующей крупной организованной преступной группе, действовавшей с 1990 г. Оба заявителя также получили отрицательные характеристики от главы местного органа власти и участкового уполномоченного полиции по месту жительства, которые охарактеризовали их как людей, ведущих антиобщественный образ жизни, проявляющийся в злоупотреблении алкогольными напитками, отсутствии работы, связях с лицами с уголовным прошлым и в неуважительном поведении по отношению к другим людям. Кроме того, заявители обвинялись в совершении преступлений с применением насилия.

97. Власти также утверждали, что ссылки в постановлениях об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу на опасения свидетелей подкреплялись исчерпывающими доказательствами, в частности, свидетельскими показаниями, полученными в ходе предварительного следствия в 2002–2003 г.г. и в ходе второго судебного разбирательства в 2005–2006 г.г. По мнению Властей, опасения свидетелей и потерпевших относились ко всем четырем подсудимым, представшим перед судом, поскольку они действовали в составе организованной группы.

98. Власти отметили, что заявители свободно и активно участвовали в судебном разбирательстве без каких-либо признаков страха или смущения.

99. На основании вышеуказанных факторов Власти провели различие между настоящим делом и теми делами об использовании металлической клетки в зале суда, в которых Судом было установлено нарушение статьи 3 (Власти сослались на постановления Европейского Суда по делам «Сарбан против Молдавии» (*Sarban v. Moldova*), жалоба № 3456/05, от 4 октября 2005 г.; «Рамишвили и Кохреидзе против Грузии» (*Ramishvili and Kokhreidze v. Georgia*), жалоба № 1704/06, от 27 января 2009 г.; «Ашот Харутюнян против Армении», указано выше; «Ходорковский против России» (*Khodorkovskiy v. Russia*), жалоба № 5829/04, от 31 мая 2011 г.; и «Пирузян против Армении» (*Piruzyan v. Armenia*), жалоба № 33376/07, от 26 июня 2012 г.), а также обратили внимание на сходство настоящего дела с делом, в котором не было установлено никаких нарушений в связи с использованием клетки, а именно с делом «Титаренко против Украины» (*Titarenko v. Ukraine*), постановление Европейского Суда от 20 сентября 2012 г., жалоба № 31720/02, пункты 58–64.

100. Власти пришли к выводу, что помещение заявителей за «защитное ограждение» оправдывалось соображениями безопасности. Подобное обращение явно не достигало минимального уровня жестокости, необходимого для того, чтобы оно могло быть признано не соответствующим статье 3, а его влияние на заявителей не выходило за рамки неизбежного элемента лишений, сопутствующего оправданному использованию законных мер безопасности.

101. Власти отметили, что новым Сводом правил по проектированию зданий судов, действующим с 1 июля 2013 г., помимо уже существующих «металлических заградительных решеток» предусматриваются пуленепробиваемые «стеклянные кабины» (см. пункт 66 выше). Замена «металлических заградительных решеток» на «стеклянные кабины» не является обязательной, и никаких сроков для их замены не установлено. В то же время некоторые суды уже заменили «металлические заградительные решетки» по своей собственной инициативе на «стеклянные кабины»; этот процесс был запущен в 2004 г. Власти утверждали, что суды вправе установить более конкретные требования по проектированию «защитных кабин».

102. Власти утверждали, что, будучи обычной мерой, введенной около двадцати лет назад и применяемой ко всем обвиняемым, содержащимся под стражей, «защитное ограждение», использованное в случае заявителей, не могло повлиять на присяжных заседателей при рассмотрении их дела или подорвать презумпцию невиновности. Помимо этого, председательствующий обратил внимание присяжных заседателей на тот факт, что заключение заявителей под стражу не является доказательством их вины. Более того, первый заявитель был оправдан по всем пунктам обвинения, а второй заявитель — по большинству предъявленных ему обвинений.

2. Доводы заявителей

103. Заявители утверждали, что помещение подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, в металлическую клетку в зале суда — это общая практика, применяемая судами общей юрисдикции и мировыми судьями независимо от индивидуальных обстоятельств и характера соответствующих правонарушений, будь то экономическое преступление, убийство, воровство или мелкое правонарушение, а также независимо от наличия у лица судимостей.

104. По мнению заявителей, эта практика является незаконной. Они пояснили, что приказы Министерства внутренних дел РФ, предусматривающие использование клетки в зале суда (см. пункты 56–57 выше) никогда не публиковались. В силу статьи 15 Конституции Российской Федерации, которая запрещает применение любых нормативных правовых актов, затрагивающих права и свободы человека, если они не были опубликованы, эти приказы не должны были подлежать применению, и Власти не должны были ссылаться на них в Суде. Строительные нормы 2000 и 2013 г.г. (см. пункты 62–66 выше) не являются законами, принятыми законодательным органом, а потому не могли устанавливать ограничения на осуществление прав человека. Применимыми положениями национального законодательства при рассмотрении вопроса о законности использования клетки при проведении судебного разбирательства являются Конституция РФ

и Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Ни одним из этих положений не предусматривается возможность содержания лиц в клетке в зале суда.

105. Заявители подчеркнули, что человеческое достоинство является абсолютной ценностью, которая не может подрываться ни по каким основаниям и должна охраняться государством независимо от личной ситуации лица, наличия у него судимостей и любых других его характеристик. Таким образом, по их мнению, Власти допустили ошибку, заявив, что помещение в клетку не являлось унижающим достоинство обращением, поскольку заявители не являются публичными фигурами и не пользуются известностью, и поскольку их судебный процесс не привлек широкого внимания общественности и не получил широкой огласки в СМИ.

106. Кроме того, заявители утверждали, что Власти также допустили ошибку, заявив об отсутствии международных документов, запрещающих помещение обвиняемых в клетки. Такой запрет предусмотрен в Замечании общего порядка Комитета ООН по правам человека № 32 по статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, которое было опубликовано 23 августа 2007 г.

107. Помещение заявителей в клетку, будто опасных преступников, которые уже были признаны виновными, служило средством оказания незаконного влияния на присяжных заседателей в нарушение норм права, регулирующих деятельность судов присяжных, которые запрещают любые действия, способные подорвать презумпцию невиновности и, в частности, любые доводы, которые могут настроить присяжных заседателей против подсудимых, например, упоминания о наличии у подсудимых судимостей или о том, что они являются хроническими алкоголиками или наркоманами, за исключением случаев, когда эта информация необходима для установления обстоятельств преступлений, в совершении которых они обвиняются. С учетом вышеизложенного заявителям не могло быть обеспечено справедливое судебное разбирательство с соблюдением принципа презумпции невиновности. Они так и не признали свою вину, и для того, чтобы доказать свою невиновность, им было необходимо переломить предубеждение присяжных. Находясь в клетке перед своими судьями, которые должны были решать их судьбу, заявители на протяжении всего судебного разбирательства испытывали чувство беспомощности, неполноценности и тревоги. Такое суровое обращение повлияло на их способность к концентрации и умственной активности в ходе судебного разбирательства, на котором решался такой важный вопрос, как их свобода.

108. Заявители, как «обезьяны в зоопарке», были выставлены в клетке на обозрение широкой общественности, в том числе множества кандидатов в присяжные заседатели и свидетелей из их поселка, а также членов семьи и знакомых заявителей, которые присутствовали на судебных заседаниях. Вопреки утверждениям Властей, от поселка заявителей до г. Магадана, где проходил судебный процесс, и обратно регулярно проходили автобусные маршруты. В 2002-2004 г.г. о судебном процессе по делу заявителей вело репортажи местное телевидение.

109. Что касается довода Властей о том, что обвинение в совершении преступлений с применением насилия служило основанием для помещения заявителей в клетку, то оправдательным приговором по трем пунктам в отношении первого заявителя подтверждается, что предъявленные ему обвинения были необоснованными. Второй заявитель был оправдан по

большинству предъявленных ему обвинений, включая бандитизм и разбой. В любом случае, с учетом принципа презумпции невиновности этот довод неуместен.

110. Что касается наличия у заявителей судимостей, назначив первому заявителю условное наказание 15 июня 2001 г. и оставив его тем самым на свободе, суд признал, что он не представляет опасности для общества. Что касается осуждения первого заявителя в 2011 г., то неясно, как оно могло оправдывать его помещение в клетку несколькими годами ранее.

111. Что касается опасений свидетелей, на которые ссылались Власти, основания для этих предполагаемых опасений и обстоятельства, при которых были получены представленные Властями показания, так и не были рассмотрены судами. Кроме того, В. Сляднев с момента вынесения оправдательного приговора 22 июня 2004 г. до момента его повторного задержания 6 декабря 2005 г. провел на свободе один год и пять месяцев. В этот период не произошло ничего, что могло бы послужить основанием для этих опасений, то есть ничего, что дало бы основания полагать, что он угрожал потерпевшим и свидетелям или совершил в отношении них иные противоправные деяния. Постановлением от 8 февраля 2005 г. Магаданский областной суд избрал в отношении заявителей меру пресечения в виде подписки о невыезде, которая применялась к ним на протяжении десяти месяцев. Суд и прокуратура, которая не обжаловала это постановление, не считали, что заявители представляют опасность для общества. Оснований для изменения этой меры пресечения на заключение под стражу 6 декабря 2005 г. не имелось. В. Сляднев был задержан по тем же основаниям, что и обвиняемый Гришин. Установление Судом нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции в деле, возбужденном по жалобе Гришина, и, в частности, установление отсутствия оснований для опасений свидетелей, уместно и в настоящем деле (см. постановление Европейского Суда от 24 июля 2012 г. по делу «Михаил Гришин против России» (*Mikhail Grishin v. Russia*), жалоба № 14807/08, пункты 147–156). Если заключение под стражу не имеет под собой «относимых и достаточных» оснований и, следовательно, не может считаться законным, то по логике Властей помещение в клетку тоже не может считаться законным. Ничто не свидетельствует о ненадлежащем поведении со стороны заявителей в ходе рассматриваемого судебного разбирательства.

112. Заявители пришли к выводу, что Власти не представили доказательств того, что указанные ими угрозы безопасности существовали в реальности, и что заявители могли скрыться или прибегнуть к насилию. Серьезных оснований опасаться противоправного поведения с их стороны в зале суда не имелось. Следовательно, помещение заявителей в металлическую клетку при рассмотрении их дела Магаданским областным судом не оправдывалось соображениями безопасности и представляло собой унижающее достоинство обращение в нарушение статьи 3. Подобное обращение, сопоставимое с обращением с дикими животными, содержащимися в металлических клетках в цирках и зоопарках, пугало заявителей и унижало их в их собственных глазах и в глазах общественности, а также вызывало у них чувство страха, тоски и собственной неполноценности; при этом был нарушен принцип презумпции невиновности. Недавно начатый процесс по замене металлических клеток в залах судебных заседаний стеклянными кабинами сам по себе

свидетельствует о том, что Россия признает, что использование металлических клеток является нарушением прав человека.

В. Оценка Суда

1. Применимые принципы

113. Как неоднократно отмечал Суд, статья 3 Конвенции закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Она категорически запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств или поведения потерпевшего (см., среди многих других прецедентов, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, пункт 119, ECHR 2000–IV).

114. Однако, чтобы подпадать под действие статьи 3 Конвенции, ненадлежащее обращение должно достигнуть минимального уровня жестокости. Оценка указанного минимального уровня относительна; она зависит от всех обстоятельств дела, таких как длительность такого обращения, его физические и психологические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья потерпевшего (см., к примеру, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яллох против Германии» (*Jalloh v. Germany*), жалоба № 54810/00, пункт 67, ECHR 2006–IX). Хотя вопрос о том, было ли целью такого обращения унижение или оскорбление потерпевшего, является фактором, который необходимо принимать во внимание, отсутствие такой цели не может полностью исключать возможность установления нарушения статьи 3 (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «V. против Соединенного Королевства» (*V. v. the United Kingdom*), жалоба № 24888/94, пункт 71, ECHR 1999–IX).

115. То или иное обращение считается «унижающим достоинство» по смыслу статьи 3 в тех случаях, когда оно унижает или оскорбляет человека, обнаруживая неуважение к его человеческому достоинству или его принижение, или вызывает у человека чувство страха, тоски или собственной неполноценности, способное сломить моральное и физическое сопротивление личности (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции» (*M.S.S. v. Belgium and Greece*), жалоба № 30696/09, пункт 220, ECHR 2011, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эль-Масри против „Бывшей Югославской Республики Македония“» (*El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*), жалоба № 39630/09, пункт 202, ECHR 2012). Публичный характер обращения может быть важным или отягчающим фактором при рассмотрении вопроса о том, является ли оно «унижающим достоинство» по смыслу статьи 3 (см., *inter alia*, постановления Европейского Суда по делам «Тайрер против Соединенного Королевства» (*Tyrer v. the United Kingdom*), от 25 апреля 1978 г., пункт 32, Series A № 26; «Эрдоган Яяз против Турции» (*Erdogan Yağiz v. Turkey*), жалоба № 27473/02, пункт 37, от 6 марта 2007 г.; и «Куммер против Чехии» (*Kummer v. the Czech Republic*), жалоба № 32133/11, пункт 64, от 25 июля 2013 г.).

116. Для того, чтобы то или иное обращение стало «унижающим достоинство», вызванные им страдания или унижения, в любом случае,

должны выйти за пределы неизбежного элемента страданий или унижений, связанных с данной формой законного обращения (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «V. против Соединенного Королевства», пункт 71). Меры по лишению лица свободы часто заключают в себе такой элемент, и все же нельзя сказать, что применение меры пресечения в виде заключения под стражу само по себе обуславливает возникновение вопроса о нарушении статьи 3 Конвенции. Тем не менее, в соответствии с данным положением государство должно принимать меры к тому, чтобы лицо содержалось под стражей в условиях, которые совместимы с уважением человеческого достоинства, и чтобы формы и методы реализации этой меры не причиняли ему лишения и страдания в более высокой степени, чем тот уровень страданий, который неизбежен при лишении свободы (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*), жалоба № 30210/96, пункты 92–94, ECHR 2000–XI).

117. Что касается мер пресечения, таких как использование наручников, как правило, они не вызывают вопросов о нарушении статьи 3 Конвенции в тех случаях, когда применяются в связи с законным задержанием или заключением под стражу и не сопровождаются применением силы или общественным воздействием, выходящим за рамки обоснованно необходимого в конкретных обстоятельствах. В связи с этим важное значение имеет вопрос о том, к примеру, имеются ли основания полагать, что данное лицо окажет сопротивление при задержании или попытается скрыться, причинить травмы или вред или скрыть доказательства (см. постановления Европейского Суда по делам «Ранинен против Финляндии» (*Raninen v. Finland*), от 16 декабря 1997 г., пункт 56, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1997–VIII; «Оджалан против Турции» (*Öcalan v. Turkey*) [GC], жалоба № 46221/99, пункт 182, ECHR 2005–IV; и «Городничев против России» (*Gorodnitchiev v. Russia*), жалоба № 52058/99, пункты 101, 102, 105 и 108, от 24 мая 2007 г.; а также «Мирослав Гарлицкий против Польши» (*Mirosław Garlicki v. Poland*), жалоба № 36921/07, пункты 73–75, от 14 июня 2011 г.).

118. Уважение человеческого достоинства — это один из тех принципов, которые являются самой сутью Конвенции (см. постановление Европейского Суда по делу «Притти против Соединенного Королевства» (*Pretty v. the United Kingdom*), жалоба № 2346/02, пункт 65, ECHR 2002–III). Предмет и цель Конвенции как инструмента защиты отдельных лиц требуют, чтобы ее положения толковались и применялись таким образом, чтобы предусмотренные ею гарантии были реальными и эффективными. Любое толкование гарантированных прав и свобод должно согласовываться с общим духом Конвенции — инструмента, призванного защищать идеалы и ценности демократического общества и способствовать их воплощению в жизнь (см. постановление Европейского Суда от 7 июля 1989 г. по делу «Серинг против Соединенного Королевства» (*Soering v. the United Kingdom*), пункт 87, Series A № 161).

2. Подход, применявшийся в более ранних аналогичных делах

119. За последние годы Судом было рассмотрено несколько дел об использовании металлических клеток в зале суда с точки зрения статьи 3.

Суд счел данную форму обращения «жесткой» и «унизительной» (см. вышеуказанные постановления Европейского Суда по делам «Рамишвили и Кохреидзе против Грузии», пункт 102; «Ашот Харутюнян против Армении», пункты 128–129; и «Пирузян против Армении», пункты 73–74). Суд оценивал, может ли такое обращение оправдываться соображениями безопасности с учетом обстоятельств конкретного дела, таких как личность заявителя (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Рамишвили и Кохреидзе против Грузии», пункт 101), характер преступлений, в совершении которых он обвинялся, хотя сам по себе этот фактор не считался достаточным основанием (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Пирузян против Армении», пункт 71), наличие у него судимостей (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Ходорковский против России», пункт 125, и постановление Европейского Суда от 25 июля 2013 г. по делу «Ходорковский и Лебедев против России» (*Khodorkovskiy and Lebedev v. Russia*), жалобы №№ 11082/06 и 13772/05, пункты 485–486), его поведение (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Ашот Харутюнян против Армении», пункт 127) или другие доказательства угрозы безопасности в зале суда или угрозы совершения заявителем побега (там же). Суд также принимал во внимание такие дополнительные факторы, как присутствие публики и освещение процесса в СМИ (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Сарбан против Молдавии», пункт 89, и вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Ходорковский против России», пункт 125).

120. В вышеупомянутых делах Суд пришел к выводу о том, что помещение в металлическую клетку в зале суда представляет собой унижающее достоинство обращение в случаях необоснованного либо «чрезмерного» применения этой меры пресечения в конкретных обстоятельствах. Тем не менее, в одном случае Суд установил большинством голосов, что нарушения статьи 3 по делу допущено не было (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Титаренко против Украины», пункты 58–64).

3. Постановление Палаты

121. Палата следовала подходу, применявшемуся в вышеуказанных делах (см. пункт 119 выше). Не установив доказательств, способных дать серьезные основания для опасений в том, что заявители представляли угрозу правопорядку и безопасности в зале суда или могли прибегнуть к насилию или скрыться, или что имелись угрозы их собственной безопасности, Палата постановила, что их помещение в зале суда в металлическую клетку было необоснованным и, следовательно, представляло собой унижающее достоинство обращение (см. пункт 70 постановления Палаты).

4. Оценка Большой Палаты

122. В настоящем деле Суд столкнулся с практикой помещения подсудимых, содержащихся под стражей, в металлические клетки в зале судебного заседания при рассмотрении их уголовных дел. На протяжении некоторого времени после распада Советского Союза в некоторых из государств-участников Конвенции, которые ранее входили в состав СССР в

качестве республик, эта практика была общепринятой, но в настоящее время она почти не применяется. Даже те немногие государства-участники Конвенции, где по-прежнему применяется эта практика, и в том числе государство-ответчик, начали отказываться от металлических клеток в залах судебных заседаний (см. пункты 75 и 101 выше).

123. В России помещение в металлические клетки в залах судебных заседаний применяется ко всем без исключения подозреваемым и обвиняемым, содержащимся под стражей (см. пункты 57 и 93 выше). На сегодняшний день в Российской Федерации такое обращение остается разрешенной к применению практикой в отсутствие каких-либо обязательств со стороны государства по отказу от использования металлических клеток (см. пункты 65–66 и 101 выше). Масштабы этой практики иллюстрируют основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (см. пункты 67–69 выше) и представленные Властями статистические данные: в 2007 г. под стражей содержалось 17,7% обвиняемых, или 241 111 человек, а в 2012 г. — 12,8%, или 134 937 человек (см. пункт 94 выше).

124. Суд отмечает, в частности, что подобная практика регулировалась неопубликованным приказом соответствующего министерства (см. пункты 57 и 61 выше). Этот факт сам по себе весьма проблематичен с учетом фундаментальной важности верховенства права в демократическом обществе, которое предполагает доступность правовых норм (см., например, постановление Европейского Суда от 25 марта 1983 г. по делу «Силвер и другие против Соединенного Королевства» (*Silver and Others v. the United Kingdom*), пункты 86–87, Series A № 61).

125. Исходя из фотографий зала судебных заседаний Магаданского областного суда Суд отмечает, что заявители были помещены в место, огороженное с четырех сторон металлическими прутьями, с перекрытием из проволоки (см. пункт 48 выше), которое можно назвать клеткой. Заявители охранялись вооруженными милиционерами, находившимися рядом с клеткой (см. пункт 49 выше).

126. Заявители содержались в клетке в ходе судебного разбирательства с участием присяжных заседателей в Магаданском областном суде в 2008–2009 г.г. по обвинению в разбое в составе группы и других преступлениях, предположительно совершенных в 2001–2002 г.г. (см. пункты 9, 10 и 19 выше). Власти утверждали, что насильственного характера преступлений, в совершении которых обвинялись заявители, в совокупности с наличием у них судимостей, отрицательными характеристиками по месту жительства и опасениями свидетелей по поводу противоправного поведения со стороны заявителей, было достаточно для подтверждения их склонности к насилию и существования реальных угроз безопасности в зале суда, что оправдывало использование клетки в целях обеспечения надлежащих условий при проведении судебного разбирательства. Заявители не согласились с этим доводом, заявив, в частности, что полное оправдание первого заявителя и оправдание второго заявителя по большинству обвинений, включая бандитизм и разбой, подтверждали, что предъявленные им обвинения были необоснованными, и что этот довод, в любом случае, не может быть уместным в силу принципа презумпции невиновности.

127. Суд согласен с Властями в том, что порядок и безопасность в зале суда имеют большое значение и могут считаться необходимыми для надлежащего отправления правосудия. Задача Суда состоит не в обсуждении

вопросов, касающихся архитектурной планировки зала суда, и не в указании конкретных мер физического воздействия, которые могут быть необходимы. Тем не менее, средства, избираемые для обеспечения такого порядка и безопасности, не должны включать в себя меры пресечения, в силу уровня жестокости (см. пункт 114 выше) либо самой природы которых они будут подпадать под сферу действия статьи 3. Это связано с тем, что, как неоднократно указывал Суд, статья 3 категорически запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, поэтому оправдания для любого подобного обращения быть не может.

128. В связи с этим Суд, прежде всего, рассмотрит вопрос о том, был ли достигнут в данных обстоятельствах минимальный уровень жестокости, упомянутый в пункте 127. При этом Суд примет во внимание последствия применения оспариваемой меры пресечения для заявителей.

129. В связи с этим Суд отмечает, что дело заявителей рассматривал суд с участием двенадцати присяжных заседателей, двух запасных присяжных заседателей, присутствовавших в судебном заседании, и председательствующего. Суд также отмечает тот факт, что в зале суда присутствовали другие участники процесса, в том числе множество свидетелей — более семидесяти из которых дали показания в суде — и кандидатов в присяжные заседатели, которые явились в суд для составления списка присяжных заседателей (см. пункт 38 выше), а также тот факт, что судебные заседания были открыты для широкой публики. Суд считает, что выставление заявителей на обозрение общественности в клетке должно было подрывать их репутацию и должно было вызвать у них чувство униженности, беспомощности, страха, тоски и собственной неполноценности.

130. Кроме того, Суд отмечает, что заявители подвергались оспариваемой форме обращения на протяжении всего судебного разбирательства в Магаданском областном суде с участием присяжных заседателей, которое длилось больше года, и в рамках которого почти каждый месяц проводилось по несколько судебных заседаний.

131. Более того, тот факт, что оспариваемая форма обращения имела место в зале суда в рамках судебного разбирательства по делу заявителей, затрагивает принцип презумпции невиновности в уголовном процессе как один из элементов справедливого судебного разбирательства (см., *mutatis mutandis*, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аллен против Соединенного Королевства» (*Allen v. the United Kingdom*), жалоба № 25424/09, пункт 94, ECHR 2013) и делает важной внешнюю сторону справедливого отправления правосудия (см. постановления Европейского Суда по делам «Борже против Бельгии» (*Borgers v. Belgium*), от 30 октября 1991 г., пункт 24, Series A № 214-B; «Жук против Украины» (*Zhuk v. Ukraine*), жалоба № 45783/05, пункт 27, от 21 октября 2010 г.; и «Атанасов против „Бывшей Югославской Республики Македония“» (*Atanasov v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*), жалоба № 22745/06, пункт 31, от 17 февраля 2011 г.). В данном случае поставлено под угрозу доверие, которое суды в демократическом обществе должны вызывать у общественности и, прежде всего, если речь идет об уголовном деле, у обвиняемого (см., *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда от 26 октября 1984 г. по делу «Де Куббер против Бельгии» (*De Cubber v. Belgium*), пункт 26, Series A № 86).

132. Суд отмечает, что некоторое время назад Комитет ООН по правам человека признал, что содержание закованного в наручники подсудимого в металлической клетке в ходе открытого судебного разбирательства по его делу представляет собой обращение, унижающее его достоинство, что также влияет на справедливость судебного разбирательства (см. пункт 70 выше). В отношении некоторых средств усмирения Минимальными стандартными правилами ООН по обращению с заключенными и Регламентами международных уголовных трибуналов предусматривается, что они могут использоваться исключительно в качестве меры по предотвращению побегов во время транспортировки при условии, что обвиняемые будут немедленно освобождены от них при появлении в суде (см. пункты 71 и 72 выше). «Руководством по справедливому судопроизводству», разработанным организацией Amnesty International, предусматривается, что содержание обвиняемого «в камере в зале суда» может влиять на презумпцию невиновности (см. пункт 74 выше).

133. Суд считает, что заявители должны были объективно обосновать свои опасения по поводу того, что их выставление в клетке в ходе судебных заседаний по их делу сформирует у людей, которым надлежало принять решения по вопросам их уголовной ответственности и освобождения, отрицательное мнение о них как об опасных преступниках, которым необходимо такое крайнее физическое воздействие, что подрывало презумпцию невиновности. Это должно было вызывать у них чувство беспокойства и угнетенности ввиду важности рассматриваемого судебного разбирательства для заявителей.

134. Суд хотел бы отметить, что в случае помещения лица за защитное ограждение в зале суда, могут иметь важное значение и иные соображения по поводу справедливости судебного разбирательства (хотя в данном случае они и не являются вопросами, представляющими какой-либо интерес), в частности, права обвиняемого на эффективное участие в судебном разбирательстве (см. постановление Европейского Суда от 23 февраля 1994 г. по делу «Стэнфорд против Соединенного Королевства» (*Stanford v. the United Kingdom*), пункты 27–32, Series A № 282–A) и получение реальной и эффективной правовой помощи (см. постановление Европейского Суда от 14 марта 2013 г. по делу «Инсанов против Азербайджана» (*Insanov v. Azerbaijan*), жалоба № 16133/08, пункты 168–170, и вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Ходорковский и Лебедев против России», пункты 642–648).

135. Наконец, Суд не считает убедительными доводы о том, что на сегодняшний день содержание подсудимого в клетке (описанное в пункте 125 выше) в ходе судебного разбирательства является необходимым средством физического воздействия на него, предотвращения его побега, борьбы с его неправомерным или агрессивным поведением или его защиты от внешней агрессии. Соответственно, его дальнейшее использование вряд ли можно расценить как-то иначе, чем как средство унижения заключенного в клетку лица и его чувства собственного достоинства. Поэтому очевидно намерение унижить и оскорбить лицо, содержащееся во время судебного разбирательства в клетке.

136. На основании изложенного Суд считает, что заключение заявителей в клетку в зале суда в ходе проведения судебного разбирательства неизбежно должно было подвергнуть их страданиям, интенсивность которых превышает

неизбежный уровень страданий, присущий содержанию их под стражей во время нахождения в суде, и что оспариваемая форма обращения достигла минимального уровня жестокости, а потому подпадает под сферу действия статьи 3.

137. Суд не считает, что использование клеток (которое было описано выше) в данном случае вообще может быть оправданным с точки зрения статьи 3 (см. пункт 138 ниже), как это пытались продемонстрировать Власти в своих доводах со ссылкой на предполагаемую угрозу безопасности (см. пункт 126 выше). Что касается последнего момента, Суд, в любом случае, не согласен с тем, что эта угроза была обоснованной. Суд отмечает, что Магаданский областной суд так и не рассмотрел вопрос о том, было ли физическое ограничение заявителей вообще необходимо при проведении судебных заседаний. Более того, никаких оснований для содержания заявителей в клетке приведено не было. Эти основания не содержатся и в судебных постановлениях о заключении заявителей под стражу вопреки доводам Властей о том, что заявители представляли угрозу для свидетелей, и что именно эта угроза послужила основанием для содержания их под стражей. В течение всего периода проведения третьего судебного разбирательства первый заявитель не содержался под стражей. Он содержался под стражей в рамках другого дела по неизвестным причинам (см. пункты 34 и 46 выше). Заключение второго заявителя под стражу было санкционировано теми же судебными решениями, которые были рассмотрены Европейским Судом в деле поделщика заявителей и в которых, как установил Суд, не было приведено «относимых и достаточных» оснований для содержания их под стражей, чтобы они могли соответствовать пункту 3 статьи 5 Конвенции, и, в частности, оснований, свидетельствующих об опасности мести в отношении свидетелей или оказания на них давления, о которой утверждают Власти в настоящем деле (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Михаил Гришин против России», пункты 149–150). Этот вывод в полной мере применим к настоящему делу, а в замечаниях Властей, представленных в Большую Палату, не содержится ничего, что могло бы обусловить иной вывод. Обвинения в том, что заявителями были совершены преступления с применением насилия, или что у них имелись судимости — некоторые из которых повлекли за собой условное наказание — за шесть и более лет до рассматриваемого судебного разбирательства или последующего осуждения первого заявителя, нельзя с полным основанием считать подтверждающими доводы Властей в этой связи. Что касается отрицательных характеристик, на которые ссылались Власти (см. пункт 96 выше), то они не свидетельствуют о том, что заявителям требовались меры физического воздействия в ходе судебного разбирательства в силу особенностей их характера; при этом второй заявитель также получил положительные характеристики от администрации следственного изолятора и места лишения свободы (см. пункт 44 выше).

138. Вне зависимости от конкретных обстоятельств настоящего дела Суд напоминает, что уважение человеческого достоинства является самой сутью Конвенции, и что предмет и цель Конвенции как инструмента защиты отдельных лиц требуют, чтобы ее положения толковались и применялись таким образом, чтобы предусмотренные ею гарантии были реальными и эффективными. В связи с этим Суд считает, что содержание лица в

металлической клетке в ходе судебного разбирательства само по себе является — с учетом его объективно унижительного характера, не соответствующего нормам цивилизованного поведения, которые являются отличительной особенностью демократического общества — унижением человеческого достоинства в нарушение статьи 3.

139. Следовательно, заключение заявителей в металлическую клетку в зале суда являлось унижающим достоинство обращением, запрещенным статьей 3. Соответственно, в настоящем деле было допущено нарушение данной статьи.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

140. Заявители также жаловались на то, что продолжительность судебного разбирательства по их уголовному делу не соответствовала требованию о рассмотрении дела в разумный срок, установленному в пункте 1 статьи 6 Конвенции, который в части, применимой к настоящему делу, гласит следующее:

«Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на ... разбирательство дела в разумный срок ... судом».

141. Власти заявили, что они не оспаривают выводы Суда по поводу продолжительности судебного разбирательства по тому же уголовному делу, сделанные им во вступившем в силу постановлении по делу «Михаил Гришин против России» (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Михаил Гришин против России», пункты 170–184).

142. В случае первого заявителя период, который необходимо принимать во внимание, начался 24 сентября 2002 г., а в случае второго заявителя — 20 января 2003 г. В эти дни они были допрошены в качестве подозреваемых по делу. Завершился этот период 23 июля 2009 г., когда приговор суда первой инстанции был оставлен без изменения после его рассмотрения в кассационном порядке. Таким образом, в случае первого заявителя он продлился шесть лет и десять месяцев, а в случае второго заявителя — шесть с половиной лет при рассмотрении дела в двух инстанциях.

143. В своем постановлении Палата пришла к выводу, что длительность судебного разбирательства по делу заявителей была чрезмерной и не соответствовала требованию о рассмотрении дела в разумный срок в нарушение пункта 1 статьи 6 (см. пункты 89–90 постановления Палаты). Суд постановил следующее:

«76. Суд напоминает, что вопрос о превышении разумного срока судебного разбирательства должен оцениваться в свете обстоятельств дела и с учетом следующих критериев: сложность дела, а также действия заявителя и соответствующих органов власти (см., среди прочих прецедентов, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу „Пелиссье и Сасси против Франции“ (*Pélissier and Sassi v. France*), жалоба № 25444/94, пункт 67, ECHR 1999–II).

77. Суд отмечает, что дело было очень сложным. Оно касалось более чем десяти пунктов обвинения в тяжких преступлениях, в совершении которых обвинялось четыре человека. В деле участвовало более

семидесяти потерпевших и свидетелей, многие из которых проживали в отдаленных населенных пунктах, расположенных на расстоянии свыше 500 километров от г. Магадана — места проведения судебного разбирательства. Судом были запрошены многочисленные экспертные заключения, которые впоследствии были рассмотрены в ходе судебного разбирательства.

78. Предварительное следствие по делу длилось меньше года. В это время второй заявитель намеренно затягивал ознакомление с материалами дела в период с 20 мая по 13 августа 2003 г....

79. Заявитель и другие подсудимые, чьи интересы представляли адвокаты, выбрали суд присяжных. Дело рассматривалось судом присяжных трижды, поскольку Верховный Суд Российской Федерации дважды отменял приговор Магаданского областного суда в кассационном порядке.

80. В первый раз областному суду потребовалось девять месяцев на проведение разбирательства и вынесение приговора в июне 2004 г., после чего заявители, содержащиеся под стражей, были оправданы и освобождены. В течение этого периода судебное заседание откладывалось на четыре недели по ходатайству других подсудимых и на две недели в связи с отсутствием у одного из защитников возможности присутствовать в судебном заседании. Затем у Верховного Суда РФ ушло шесть месяцев на рассмотрение дела в кассационном порядке.

81. Суд считает, что до этого момента по вине властей не происходило никаких задержек.

82. Во второй раз дело находилось на рассмотрении областного суда в течение двух лет после того, как 7 декабря 2004 г. Верховный Суд РФ отменил первый вынесенный им приговор на том основании, что во время отбора присяжных заседателей некоторые из них скрыли информацию о наличии судимостей у членов их семей, а председательствующий не подытожил результаты судебного разбирательства надлежащим образом.

83. В течение первого года Верховному Суду РФ потребовалось три месяца на отмену в кассационном порядке решения областного суда о направлении дела в следственные органы.

84. Судебное заседание было отложено на пять месяцев в связи с болезнью одного из других подсудимых и невозможностью рассмотрения предъявленных заявителям обвинений в рамках отдельного производства. Дополнительная задержка была вызвана неявкой подсудимых и их адвокатов в суд. Государство не может нести ответственность за эту задержку.

85. Наконец, в декабре 2005 г., когда заявители были вновь заключены под стражу до вынесения приговора, началось судебное разбирательство, которое завершилось через год. В этот период судебное заседание было отложено на два месяца и двадцать дней по причине летних отпусков присяжных заседателей, после которых сторонам пришлось повторить

свои выступления, на что потребовался еще один месяц. Суд отмечает, что летние отпуска присяжных заседателей объяснялись особенностями работы в условиях Крайнего Севера страны, о которых должны были знать адвокаты заявителя, и о которых присяжные заседатели предупредили стороны и суд во время их отбора. Суд также отмечает, что на третьем этапе судебного разбирательства судебное заседание было отложено в целях аналогичного перерыва на более короткий срок — полтора месяца, и не усматривает в материалах дела никаких доказательств того, что первая задержка была абсолютно оправданной.

86. Кассационная жалоба на второй приговор областного суда рассматривалась в течение шести месяцев; 6 июня 2007 г. приговор был отменен, на этот раз, в частности, на том основании, что подсудимые и их адвокаты злоупотребили своими правами и нарушили порядок проведения суда присяжных с целью оказания влияния на вердикт присяжных заседателей. Тем самым они способствовали возникновению итоговой задержки в производстве по делу.

87. В период до вынесения третьего приговора, продолжительность которого составила один год и девять месяцев, и в течение которого второй заявитель по-прежнему находился под стражей, дело не рассматривалось в течение трех месяцев до тех пор, пока в сентябре 2007 г. областной суд не начал разбирательство по делу. Еще пять месяцев прошло до того момента, как была сформирована коллегия присяжных заседателей, и появилась возможность начать судебное разбирательство, которое впоследствии продлилось больше года. Судебное заседание откладывалось примерно на месяц в связи с болезнью одного из других подсудимых. Кассационная жалоба на третий приговор рассматривалась в течение четырех месяцев; 23 июля 2009 г. кассационная жалоба была оставлена без удовлетворения, а приговор — без изменения.

88. Несмотря на наличие задержек, произошедших по вине заявителей и других подсудимых, также имели место значительные задержки по вине государства в период, когда дело находилось на рассмотрении в суде первой инстанции во второй и третий раз, длительность которых составила, по меньшей мере, около года, и именно в то время, когда заявитель содержался под стражей, поэтому от внутригосударственных судов требовалась особая тщательность для быстрого отправления правосудия (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу „Калашников против России“, пункт 132). Принимая во внимание сложность дела и трудности, с которыми столкнулся Магаданский областной суд, Суд напоминает, что государство несет ответственность за эффективность своей судебной системы, и то, какими способами будет выполнено требование о рассмотрении дела в разумный срок — будь то с помощью автоматически заданных временных ограничений и правил или любыми другими методами — решать самому государству. Если же государство позволяет судебному процессу выходить за рамки „разумного срока“, установленного статьей 6 Конвенции, и не делает ничего, чтобы ускорить процесс, то оно несет ответственность за итоговую задержку (см. постановление Европейского Суда от

26 сентября 2006 г. по делу „Блэйк против Соединенного Королевства“ (*Blake v. the United Kingdom*), жалоба № 68890/01, пункт 45)».

144. Большая Палата не усмотрела оснований для иного вывода, отличного от выводов Палаты, которые согласуются с вышеуказанным постановлением Суда по делу «Михаил Гришин против России». Соответственно, Большая Палата приходит к выводу, что длительность судебного разбирательства по уголовному делу заявителей не соответствовала требованию о рассмотрении дела в разумный срок.

145. Следовательно, в настоящем деле было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

146. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

147. Первый заявитель требовал присудить ему 78 000 евро в качестве компенсации морального вреда и 2 000 евро в качестве компенсации материального ущерба в связи с предполагаемой невыплатой пособия по безработице во время судебного разбирательства по его уголовному делу. Второй заявитель требовал присудить ему 15 000 евро в качестве компенсации морального вреда и 2 000 000 рублей, то есть около 44 000 евро, в качестве компенсации материального ущерба в связи с предполагаемой потерей трудовых доходов в период содержания под стражей.

148. Власти оспорили данные требования.

149. Суд отмечает, что требования заявителей о компенсации материального ущерба, по-видимому, связаны с длительностью судебного разбирательства по их уголовному делу, которая была признана Судом чрезмерной в нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции. Однако с учетом предъявленных заявителями требований Суд не может строить предположения по поводу того, имели бы они работу, или какой доход они получили бы, не будь длительность судебного разбирательства по их делу чрезмерной. Таким образом, Суд не усматривает какой-либо причинно-следственной связи между установленными нарушениями и требуемой компенсацией материального ущерба, а потому отклоняет эти требования.

150. Что касается морального вреда, принимая во внимание установленные нарушения положений Конвенции и принимая решение на справедливой основе, Суд присуждает каждому заявителю по данному основанию по 10 000 евро.

Б. Судебные расходы и издержки

151. Второй заявитель требовал присудить ему 317 476 рублей в качестве компенсации расходов на представительство в ходе судебного разбирательства по его уголовному делу на национальном уровне. Оба заявителя также требовали присудить им в общей сложности 600 000 рублей в качестве компенсации расходов на представительство при рассмотрении дела Большой Палатой. Эта сумма включает в себя плату за услуги трех юристов Магаданской областной коллегии адвокатов, В. Палчинского, Е. Плотнокова и В. Тайсаевой, в размере 200 000 рублей за услуги каждого адвоката, включая оплату письменных и устных замечаний в ходе слушания дела в Большой Палате и за присутствие на слушании. Они не представили никаких отдельных подтверждающих документов в подкрепление своих требований в отношении В. Палчинского, представлявшего интересы первого заявителя, и В. Тайсаевой, которая представляла интересы второго заявителя. Они заявили, что первый заявитель отбывает наказание в виде лишения свободы и не имеет средств для оплаты услуг своего адвоката, и что второй заявитель находится в сложной финансовой ситуации.

152. Власти оспорили эти требования.

153. В соответствии с прецедентной практикой Суда для того, чтобы получить компенсацию судебных расходов и издержек, пострадавшая сторона должна понести их вследствие попытки предупредить или исправить нарушение Конвенции, добиться признания факта нарушения со стороны Суда и получить компенсацию за это нарушение. При этом она должна доказать, что такие расходы действительно имели место, были понесены по необходимости и являлись разумными с точки зрения их размера (см., среди других прецедентов, вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Яллох против Германии», пункт 133).

154. Принимая во внимание указанные критерии, выработанные в прецедентном праве Суда, установленные нарушения Конвенции и имеющиеся в его распоряжении документы, Суд отклоняет требование второго заявителя о компенсации расходов и издержек, понесенных в национальных судах. Суд также убежден в том, что расходы на юридическое представительство в рамках разбирательства по вопросу о нарушениях Конвенции в Большой Палате были понесены в целях установления и компенсации нарушения прав заявителей, гарантированных Конвенцией. Суд отмечает, в частности, что письменные и устные замечания заявителей в ходе слушания дела в Большой Палате не просто дублировали их замечания, представленные в Палату, а требовали проведения дополнительных исследований и приведения доводов юридического характера; и что все три адвоката присутствовали и выступали на слушании дела.

155. Принимая во внимание также тот факт, что заявителям была предоставлена правовая помощь, и исходя из своей собственной оценки, Суд считает разумным присудить сумму в размере 2 000 евро для оплаты услуг каждого из трех адвокатов, оказанных в ходе разбирательства по делу в Суде, а именно 2 000 евро первому заявителю и 4 000 евро второму заявителю, включая любой налог, который может быть взыскан с заявителей.

В. Процентная ставка при просрочке платежей

156. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка, плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *отклоняет* предварительное возражение Властей;
2. *постановляет*, что ситуации, связанные с заключением заявителей в клетку в зале суда в ходе первого и второго судебных разбирательств, выходят за рамки его компетенции;
3. *постановляет*, что в настоящем деле было допущено нарушение статьи 3 Конвенции;
4. *постановляет*, что в настоящем деле было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;
5. *постановляет*:
 - (а) что в течение трех месяцев государство-ответчик обязано выплатить заявителям следующие суммы с последующим переводом в рубли по курсу на день выплаты:
 - (i) по 10 000 (десять тысяч) евро каждому заявителю, а также все налоги, подлежащие начислению на указанную сумму, в качестве компенсации морального вреда;
 - (ii) 2 000 (две тысячи) евро первому заявителю и 4 000 (четыре тысячи) евро второму заявителю, включая любой налог, который может быть взыскан с заявителей, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на указанные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода выплаты пени плюс три процента;
6. *отклоняет* остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках и оглашено на открытом слушании во Дворце прав человека в г. Страсбурге 17 июля 2014 г.

Майкл О'Бойл
Заместитель Секретаря

Дин Шпильманн
Председатель

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда, к данному постановлению прилагаются следующие особые мнения:

- (а) совместное совпадающее мнение судей Г. Раймонди и Л.-А. Сицильяноса;
- (б) совместное совпадающее мнение судей Г. Николау и Х. Келлер;
- (в) совпадающее мнение судьи И. Силвиса.

Д.Ш.
М.О'Б.

СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ
СУДЕЙ Г. РАЙМОНДИ И Л.-А. СИЦИЛЬЯНОСА

(Перевод)

1. Мы безоговорочно согласны со всеми решениями, принятыми Большой Палатой Суда по этому важному делу. Тем не менее, мы чувствуем, что должны приложить к постановлению по делу короткое совпадающее мнение в связи с сомнениями, испытываемыми нами в отношении доводов, которые были приведены Судом при отклонении предварительного возражения Властей о том, что первый заявитель не является жертвой нарушения (см. пункты 77–83 постановления).

2. В своих замечаниях, представленных в Большую Палату, Власти утверждали, что, поскольку первый заявитель был оправдан по всем пунктам обвинения и получил компенсацию в результате последовавшей за этим реабилитации, он уже не вправе заявлять о том, что он является жертвой указанных им нарушений статьи 3 в связи с его помещением в металлическую клетку в зале суда и статьи 6 в связи с длительностью судебного разбирательства по его делу (см. пункты 50–52).

3. Тем не менее, очевидно, что ни компенсация материального ущерба, присужденная первому заявителю областным судом (см. пункт 51), ни компенсация морального вреда, присужденная тому же заявителю по решению Магаданского городского суда, оставленному областным судом без изменения (см. пункт 52), не означают признания Российской Федерацией факта нарушения статьи 3 и пункта 1 статьи 6 (длительность судебного разбирательства), который был призван рассмотреть Суд.

4. Следовательно, критерии, установленные в прецедентной практике Суда для признания факта утраты статуса жертвы нарушения, а именно условие о том, что государственные органы должны признать факт нарушения положений Конвенции, а затем предоставить достаточную компенсацию (см. постановление Европейского Суда от 15 июля 1982 г. по делу «Экле против Германии» (*Eckle v. Germany*), пункт 66, Series A № 51), в данном случае не выполнены. Следовательно, указанное возражение было необоснованным.

5. По сути, Суд предпочел отклонить это возражение на том основании, что оно было заявлено с нарушением установленного срока, исходя, соответственно, из правила 55 Регламента Суда, согласно которому любое заявление о неприемлемости жалобы должно, насколько позволяет его характер и обстоятельства, быть выдвинуто Властями государства-участника Конвенции, являющегося ответчиком по делу, в их письменных или устных замечаниях по вопросу приемлемости жалобы, представленных в соответствии с правилом 51 либо 54, в зависимости от конкретного случая.

6. В частности, Суд отметил, что в данном случае Власти не упомянули об этом предварительном возражении в своих замечаниях до того, как Палата приняла решение по вопросу приемлемости жалобы. Власти представили свои замечания по данному вопросу 18 февраля 2009 г. Более того, процедура реабилитации была завершена 30 марта 2010 г. (см. пункт 52). Ничто не мешало Властям выступить с заявлением о недопустимости жалобы в связи с исходом процедуры реабилитации перед Палатой, которая вынесла решение по вопросу приемлемости и по существу жалобы 11 декабря 2012 г., спустя более двух лет и восьми месяцев.

7. Суд установил, что в отсутствие каких-либо исключительных обстоятельств, которые могли бы освободить Власти от обязательства по своевременному выдвижению этого возражения, на тот момент Власти были

не вправе утверждать, что первый заявитель не является жертвой нарушения. В связи с этим Суд сослался на три прецедента (постановления Европейского Суда по делам «Сейдович против Италии» (*Sejdovic v. Italy*) [GC], жалоба № 56581/00, пункт 41, ECHR 2006–II; «Прокопович против России» (*Prokopovich v. Russia*), жалоба № 58255/00, пункт 29, ECHR 2004–XI; и «Андреева против Латвии» (*Andrejeva v. Latvia*) [GC], жалоба № 55707/00, пункт 49, ECHR 2009).

8. Ссылаясь на эти три постановления, Большая Палата, по-видимому, рассматривает анализ вопроса о возможной утрате статуса жертвы нарушения в той же плоскости, что и анализ другого критерия неприемлемости жалобы — неисчерпания внутренних средств правовой защиты. Два из трех указанных постановлений, а именно постановления по делам «Сейдович против Италии» и «Прокопович против России», касаются последнего вопроса, а постановление по делу «Андреева против Латвии» действительно касается вопроса о возможной утрате статуса жертвы нарушения.

9. В случае этих двух критериев неприемлемости правило о праве Суда действовать по своей собственной инициативе действует по-разному.

10. Что касается статуса жертвы нарушения, то, невзирая на правило 55, Суд, несомненно, имеет право в любой момент поднять этот вопрос по своей собственной инициативе, независимо от того, заявлено ли Властями государства-ответчика возражение по этому поводу (см. постановления Европейского Суда по делам «Микаллеф против Мальты» (*Micallef v. Malta*) [GC], жалоба № 17056/06, пункт 36, ECHR 2009; «Константин Маркин против России» (*Konstantin Markin v. Russia*) [GC], жалоба № 30078/06, пункт 79, ECHR 2012; и «М.А. против Кипра» (*M.A. v. Cyprus*), жалоба № 41872/10, пункт 115, ECHR 2013), поскольку это вопрос публичного порядка (*ordre public*), который касается компетенции Суда.

11. Что касается неисчерпания внутренних средств правовой защиты, то в данном случае право Суда действовать по своей собственной инициативе, напротив, носит более ограниченный характер. Если государство-ответчик выступает с таким заявлением о недопустимости жалобы несвоевременно, Суд будет рассматривать этот вопрос только при наличии особых обстоятельств, способных освободить Власти от обязательства по своевременному выдвижению этого возражения (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ассанидзе против Грузии» (*Assanidze v. Georgia*), жалоба № 71503/01, пункт 126, ECHR 2004–II).

12. Вот почему мы предпочли бы, чтобы Суд отклонил возражение по поводу статуса жертвы нарушения как необоснованное или, по крайней мере, отличал бы в своих рассуждениях рассматриваемую ситуацию от ситуации предполагаемого неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ Г. НИКОЛАУ И Х. КЕЛЛЕР

1. Мы полностью согласны с выводом большинства о том, что по настоящему делу было допущено нарушение статьи 3. Тем не менее, при всем нашем уважении мы хотели бы прояснить ход рассуждений, путем которого мы приходим к такому выводу.

2. Прежде всего, мы хотели бы высказаться по поводу понятия клетки. В своем постановлении Большая Палата ограничилась рассмотрением вопроса об использовании металлической клетки, о чем говорится в пунктах 48 и 125. Хотелось бы отметить, что в России и в других странах, где используются металлические клетки в залах судебных заседаний, усиливается тенденция по их замене стеклянными ограждениями или «заграждениями из органического стекла» (см. пункт 75 постановления). Настоящее постановление не касается этих мер безопасности. Тем не менее, мы хотели бы подчеркнуть, что в случае использования таких «клеток» могут возникнуть вопросы о возможном нарушении требования процессуальной справедливости, предусмотренного пунктом 1 статьи 6, а также принципа презумпции невиновности, предусмотренного пунктом 2 статьи 6 Конвенции (сравни с Соображениями Комитета по правам человека по делу «Ковалева и Козяр против Белоруссии» (*Kovaleva and Kozyar v. Belarus*), Сообщение № 2120/2011, Соображения от 29 октября 2012 г., CCPR/C/106/D/2120/2011, пункт 11.4).

3. Во-вторых, мы считаем необходимым рассмотреть вопрос об абсолютном характере статьи 3, в свете которой следует толковать пункт 124 настоящего постановления. В соответствии с устоявшейся прецедентной практикой Суда статья 3 закрепляет абсолютное право.¹ Таким образом, данная статья не только не допускает отступлений от нее, как следует из пункта 2 статьи 15 Конвенции, но и не допускает никаких исключений независимо от поведения потерпевшего и обстоятельств дела (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гёфген против Германии» (*Gäfgen v. Germany*), жалоба № 22978/05, пункт 87, ECHR 2010). Следовательно, хотя обстоятельства применения конкретной формы обращения или наказания могут приниматься во внимание при разрешении вопроса о том, был ли достигнут уровень жестокости, необходимый для установления нарушения статьи 3, они не могут служить оправданием для тех действий или бездействия, которые достигают этого уровня (см. постановление Европейского Суда от 18 января 1978 г. по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. the United Kingdom*), пункт 163, Series A № 25, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Италии» (*Saadi v. Italy*), жалоба № 37201/06, пункт 127, ECHR 2008). Одним словом, возможность применения свободы

1. Натаса Мавроникола и Франческо Мессинео. Относительно абсолютный характер? Подрыв законной силы статьи 3 ЕКПЧ в постановлении Европейского Суда по правам человека по делу «Ахмад против Соединенного Королевства» [Natasia Mavronicola and Francesco Messina, "Relatively Absolute? The Undermining of Article 3 ECHR in *Ahmad v UK*"] / Натаса Мавроникола, Франческо Мессинео // Обзор современного права [Modern Law Review]. – 2013. – №76(3). – стр. 589–603, на стр. 592; Дэвид Дж. Хэррис. Хэррис, О'Бойл и Ворбрик: нормы Европейской конвенции о правах человека [David J. Harris, Michael O'Boyle, Ed P. Bates and Carla M. Buckley, *Harris, O'Boyle & Warbrick: Law of the European Convention on Human Rights*] / Дэвид Дж. Хэррис, Майкл О'Бойл, под ред. П. Бейтса и Кары М. Бакли. – Оксфорд: изд-во «Оксфорд Юниверсити Пресс», 2009. – на стр. 69.

усмотрения или оправдания жестокого обращения, достигающего уровня жестокости, запрещенного статьей 3, отсутствует. Относительность возможна только при разрешении вопроса о том, был ли достигнут порог жестокости, необходимый для установления нарушения статьи 3, а не о том, является ли обращение или наказание, достигающее этого уровня, нарушением Конвенции (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства», пункт 162).¹

4. С учетом невозможности оправдания жестокого обращения, достигающего уровня жестокости, достаточного для установления нарушения статьи 3, мы находим досадным тот факт, что в пункте 124 постановления уделяется так много внимания законным основаниям для использования клетки в залах судебных заседаний, и предполагается, что недостаток таких оснований в данном случае является важным фактором. Этот пункт может быть неправильно истолкован противоположным образом, как будто в нем предполагается, что наличие достаточных законных оснований могло как-то оправдывать предполагаемое нарушение статьи 3. Мы считаем, что крайне важно, чтобы он не производил такого впечатления. Наличие достаточных законных оснований — это единственное условие оправданности посягательства на статьи 8–11 Конвенции, которые явно допускают возможность его оправдания в своих вторых пунктах. Поскольку статья 3 не допускает никаких оправданий, пункт 124 настоящего постановления следует толковать как избыточный (*ad abundantiam*) довод. Другими словами, его следует воспринимать как беглое замечание о проблематичности регулирования судопроизводства неопубликованными приказами общего характера. Этот пункт ни в коем случае не следует толковать таким образом, как будто в нем имеется в виду, что наличие достаточных законных оснований могло придать законный характер тем действиям, которые в случае их отсутствия противоречили бы статье 3 Конвенции (сравни, в том же ключе, совпадающее мнение судьи Н. Братца по делу «Яллох против Германии» (*Jalloh v. Germany*) [GC], жалоба № 54810/00, ECHR 2006–IX, в котором утверждается, что рассмотрение большинством судей вопроса о том, имела ли «необходимость» в принудительном применении вторичного средства, подрывает абсолютный характер статьи 3).

5. В пункте 128 постановления Суд правильно начинает анализ вопроса о нарушении статьи 3 с рассмотрения вопроса о том, был ли достигнут минимальный порог жестокости, необходимый для установления нарушения данного положения. Однако далее в пунктах 131–134 Суд ссылается на принципы презумпции невиновности и справедливости судебного разбирательства. Несмотря на то, что мы признаем, что эти вопросы могут носить серьезный характер (см. пункт 2 выше), мы считаем, что их рассмотрение в рамках вопроса о нарушении статьи 3 является неуместным.

6. Что касается безопасности в зале суда, пункт 137 не следует толковать таким образом, как будто он оставляет возможность, пусть и небольшую, для оправдания использования металлических клеток в залах судебных заседаний. Поскольку имеется возможность использования других средств, не умаляющих чувство собственного достоинства обвиняемого, они должны использоваться вместо металлических клеток. Мы обращаем внимание на принципиально важный вывод Суда, который очень четко разъясняется в пункте 138 его постановления: использование металлических клеток в зале суда как таковое не соответствует статье 3.

7. Особый упор Суда на принцип презумпции невиновности в пунктах 131–134 настоящего постановления представляет собой еще один

2. Натаса Маврониола, Франческо Мессинео, там же, на стр. 593 и далее.

избыточный (*ad abundantiam*) довод: несмотря на то, что в данном случае была сделана ссылка только на статью 3, помещение обвиняемых в клетки при проведении судебного разбирательства предположительно могло, при определенных обстоятельствах, обусловить возникновение вопроса о нарушении пункта 2 статьи 6 Конвенции. Тот факт, что Суд принял к сведению эту возможную проблему, тем не менее, не означает, что пункты 131–134 играли какую-то роль при установлении им нарушения статьи 3. Рассмотрение предполагаемых нарушений пункта 2 статьи 6 отличается от рассмотрения предполагаемых нарушений статьи 3, и эти два процесса должны тщательно отделяться друг от друга.

8. В заключение, соглашаясь с выводом Суда по настоящему делу, мы считаем, что настоящее постановление следует толковать с учетом вышеизложенных соображений. В частности, ни одну из частей настоящего постановления не следует толковать таким образом, как будто она подрывает абсолютный характер статьи 3, допуская исключения из данного положения. Крайне важно не допускать сомнений по поводу того, что статья 3 нарушается во всех случаях, когда суровость ненадлежащего обращения достигает уровня жестокости, при котором возможно ее применение.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ И. СИЛВИСА

Содержание подсудимых в суде в металлических клетках в ходе проведения судебного разбирательства представляет собой унижающее достоинство обращение и, следовательно, нарушение статьи 3 Конвенции. Разумеется, я согласен с постановлением Суда. Современные технологии по обеспечению безопасности в зале суда сводят на нет прежние объяснения, оправдывающие использование клеток. Несмотря на то, что использование клеток не прекращается, невзирая на отсутствие явной функциональной необходимости в этом, тем самым обнаруживается их скрытая функция. Выставление подсудимых в клетке является их символическим унижением и представлением в качестве людей низшего сорта по сравнению с обычными людьми. Таким образом, в основе этого вопроса лежит человеческое достоинство, что также было признано Судом.

Хотя я разделяю мнение о том, что, по сути, это постановление справедливо, мне трудно согласиться со всеми его формулировками. Меня беспокоит то, что доводы Суда могут быть истолкованы таким образом, как будто он, в принципе, допускает возможность каких-либо оправданий в случае абсолютных прав. Обеспокоенность этим вопросом очень хорошо выражена в совпадающем мнении судей Х. Келлер и Г. Николау. Я хотел бы обратить внимание на порядок изложения доводов Суда. Прежде всего, не приходится удивляться тому, что Суд однозначно постановляет в пункте 127, что статья 3 категорически запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, поэтому оправдания для любого подобного обращения быть не может. В пункте 136 Суд приходит к выводу, что минимальный уровень жестокости достигнут. С учетом этого мнения я считаю странным, что далее в пункте 137 Суд постановляет, что использование металлических клеток не может быть оправданным в рамках статьи 3 Конвенции ни при каких обстоятельствах. Как такое возможно? Это утверждение либо не имеет смысла, и поэтому его не следует принимать во внимание, либо, в противном случае, вызывает беспокойство на данном этапе рассуждений Суда. Статья 3 гарантирует абсолютные права. Тогда имеет ли смысл вообще рассматривать возможность каких-либо оправданий, раз эта мера подпадает под сферу ее действия? Пересмотр вопроса о существовании такой возможности на данном этапе рассуждений, несмотря на то, что Суд отвечает на него отрицательно, мог сказаться на понимании его концепции абсолютных прав.¹

То, что при оценке степени ненадлежащего характера обращения допускается некоторая степень относительности, прежде чем признать его

1. Алан Гевирт. А существуют ли вообще абсолютные права? [Alan Gewirth, "Are There Any Absolute Rights?"] / Алан Гевирт // Ежеквартальный философский журнал (*The Philosophical Quarterly*). — 1981. — № 31; Майкл К. Аддо. Закрепляет ли статья 3 Европейской конвенции о правах человека абсолютные права? [Michael K. Addo and Nicholas Grief, "Does Article 3 of The European Convention on Human Rights Enshrine Absolute Rights?"] / Майкл К. Аддо и Николас Гриф // Европейский журнал международного права [*European Journal of International Law*]. — 1998. — № 9. — стр. 510–524; Натаса Маврониола. Что такое «абсолютное право»? Расшифровка понятия абсолютности в контексте статьи 3 Европейской конвенции о правах человека [Natasia Mavronicola, "What is an 'absolute right'? Deciphering Absoluteness in the Context of Article 3 of the European Convention on Human Rights"] / Натаса Маврониола // Журнал права в области прав человека [*Human Rights Law Review*] (выпуск от 30 ноября 2012 г.); Юката Арай-Йокой. Шкала оценки унижения человеческого достоинства: определение уровня, при котором обращение становится унижающим достоинство по смыслу статьи 3 ЕКПЧ [Yukata Arai-Yokoi, "Grading Scale of Degradation: Identifying the Threshold of degrading Treatment under Article 3 ECHR"] / Юката Арай-Йокой // Нидерландский ежеквартальный журнал о правах человека [*Netherlands Quarterly of Human Rights*]. — 2003. — № 21/3. — стр. 385–421

подпадающим под сферу действия абсолютного права — это другой вопрос. При условии осуществления добросовестной оценки с учетом основных ценностей это не противоречит концепции абсолютных прав. Тем не менее, было отмечено, что в применении принципа соразмерности и статьи 3 имеется, казалось бы, едва заметное изменение.² Такой вывод можно сделать из того, что между тем, что допустимо при указанной оценке, и тем, что совершенно исключено при достижении уровня, запрещенного статьей 3, не наблюдается четкой границы. Ссылка на формы «неоправданно» жестокого обращения будет означать, что при применении статьи 3 имеют место субъективные процессы, выходящие за рамки оценки достаточной жестокости, при которой эта мера подпадает под действие данной статьи. Это может вызывать понятное беспокойство в связи с тем, что создается впечатление, пусть ложное и непреднамеренное, что какие-то нарушения статьи 3 в отдельных случаях могут быть оправданными.

У меня имеется еще один вопрос, который мне необходимо рассмотреть. При рассмотрении вопроса о том, был ли достигнут определенный уровень жестокого обращения, зачастую определенную роль играют субъективные, а также объективные факторы. Обобщая вывод о том, что содержание подсудимых в суде в металлических клетках в ходе проведения судебного разбирательства является запрещенной формой унижающего достоинство обращения, субъективные факторы оценки такого нарушения статьи 3 становятся менее актуальными. Я приветствую подобное обобщение, поскольку оно позволяет понять, какие стандарты должны соблюдаться. В свете этого понимания я приветствовал бы даже меньшее внимание к вопросу о том, должны ли были заявители страдать от заключения их в клетку в суде. Возможно, они испытывали очень сильные страдания. Но предположим, что они их не испытывали, быть может, благодаря выдающимся способностям их психики к преодолению таких чувств или вследствие явного недостатка чувствительности.³ Неужели это что-то меняет? Я так не думаю. Содержание подсудимого в металлической клетке носит явно показательный характер, имитируя ритуал унижения.⁴ В тех случаях, когда государство обязано создать условия для справедливого судебного разбирательства, подобное унижающее выставление обвиняемых перед судом является унижающим достоинство обращением по смыслу статьи 3 Конвенции.

2. Мартин Кертис. Достижения в области психиатрического лечения [Martin Curtice, *Advances in psychiatric treatment*] / Мартин Кертис. — 2010. — том 16, стр. 199–206, doi: 10.1192/apt.bp.109.006825, стр. 204, BOX II.

3. Сравн. с отчетом Комиссии по правам человека по «греческому делу» (жалобы №№ 3321/67, 3322/67, 3323/67 и 3344/67, отчет Комиссии от 5 ноября 1969 г., Ежегодник № 12, стр. 501): «Из показаний ряда свидетелей следует, что определенная грубость в обращении с заключенными со стороны полиции и военных властей допускается большинством заключенных и даже принимается ими как должное. Подобная грубость может носить форму пощечин или ударов рукой по голове или лицу. Этим обуславливается тот факт, что степень восприятия заключенными и общественностью физического насилия как ни жестокого, ни чрезмерного варьируется между различными обществами и даже между различными группами населения».

4. См. Ханнес Куч. Ритуальный характер унижения: изучение символической уязвимости [Hannes Kuch, "The Rituality of Humiliation: Exploring Symbolic Vulnerability"], под ред. П. Кауфман и др. / Ханнес Куч // Унижение, деградация, дегуманизация [*Humiliation, Degradation, Dehumanization*], Библиотека этики и прикладной философии [Library of Ethics and Applied Philosophy]. — № 24. — 2011, изд-во «Спрингера» — стр. 4